

Воображаемые девушки

Автор:

[Нова Сума](#)

Воображаемые девушки

Нова Рен Сума

Когда сестры Хлоя и Руби отправились ночью купаться, то даже в страшном сне не могли представить, каким кошмаром это для них обернется. В воде Хлоя нашла безжизненное тело четырнадцатилетней девушки – Лондон Хейз, с которой была знакома. Эта ужасная ночь перевернула жизнь Хлои, и история имела продолжение.

Спустя два года Хлоя вернулась в родной городок. И кого она встретила? Лондон. Ту самую девушку, чей труп видела собственными глазами. Что это? Реальность? Галлюцинация? Помочь разобраться в этом может только Руби, но, кажется, она что-то скрывает.

Нова Рен Сума

Воображаемые девушки

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моей младшей сестре Лорел Роуз и Эрику, неизменно

1

Руби говорила

Руби говорила, что я никогда не утону – ни в глубоком океане, ни при кораблекрушении, ни даже если упаду пьяной в бездонный бассейн на чьем-то заднем дворе. Она говорила, что видела, как я могу задерживать под водой дыхание на несколько минут. Но если бы вы слышали, как она это говорила, то могли бы подумать, что речь идет о целых днях. Что я могла бы жить там, если нужно, спуститься к самому дну за ракушками и блестящими крышками от бутылок с газировкой и лишь время от времени поднимать голову, проверяя, не показались ли огни спасателей, даже если ждать их придется целую вечность.

Это казалось невозможным, и, говори это кто-то другой, а не Руби, никто бы не поверил. Но Руби оказалась права – и тело, которое нашли той ночью, не было и не могло быть моим.

Мы даже представить себе не могли... а потом пульсирующий синий свет; яркое пятно на воде; и мы хватали обувь и одежду – любую обувь и одежду... Потом бежали сквозь кусты, и острые ветки резали наши босые ноги. Мое сердце колотилось, как бешеное, а в голове крутилась одна и та же мысль: Неужели это происходит на самом деле? Но все было по-настоящему. А мы всего лишь хотели поплавать.

Руби стояла у самого края водохранилища, окруженная парнями – кто-то подобрался поближе, кто-то светил фонариками, и их танцующие лучи порой опускались ниже ее лица, но Руби не шлепала их по рукам – сегодня у нее не было желания.

Чуть поодаль тоже стояли парни, и несколько девчонок с ними, компания растянулась вдоль берега, исчезая где-то в ночи, но центр всеобщего внимания был здесь. На месте, где стояла Руби. Она вытянула загорелую ногу и опустила

накрашенный жемчужным лаком палец в воду. Позволяя парням смотреть, что она делает. Смотреть, как разлетаются в стороны брызги воды.

Я тоже была там и тоже смотрела на нее, но никто не обращал на меня внимания до тех пор, пока она не назвала мое имя.

– Хлоя может переплыть всю эту штуку туда и обратно, – сказала Руби парням.

Она перехваливала меня, как часто любила делать. Сказала, что я могла бы переплыть все водохранилище – от нашего берега до смутно очерченного противоположного, – проверяя, станет ли кто-то из собравшихся опровергать это. Я переплыла, сказала она, а потом добавила, что еще и прихвачу с собой сувенир.

Тем летом уровень воды был ниже обычного: дожди обходили нас стороной вот уже несколько недель. Если знать, куда смотреть, то над водой можно было разглядеть крыши домов, оставшиеся от городков, в прошлом рассыпанных по долине. Там, где мы стояли, когда-то была окраина одного такого под названием Олив, и Руби говорила, что я могу заглянуть туда в гости, когда буду переплывать водохранилище. Что я спущусь вниз, ко дну, к еще сохранившимся руинам Олив, пороюсь в оставленных платьях и вернусь на берег, увешанная драгоценностями. Если кто-то и способен на это, говорила Руби, то только ее сестра.

Мальчишки засмеялись, но кому, как не им, знать, что Руби не шутила.

– Клянусь, – говорила она, – окуните ее в воду, и она станет наполовину рыбой. Ей не нужен воздух, как всем нам. Я сама видела. Кто, думаете, купал ее, когда ей было три?

Она на пять с половиной лет старше меня, так что у нее много воспоминаний, которых нет у меня, и, по ее словам, я бывала в куче мест, о чем, клянусь, даже понятия не имею (Лоллапалуза[1 - Американский ежегодный музыкальный фестиваль, проводится в Чикаго (США). – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.], Ниагарский водопад, Ольстерская окружная тюрьма – вроде бы там мы как-то раз навещали нашу мать). Поэтому если Руби говорила, что я могу переплыть водохранилище, нырнуть до дна, до которого никто никогда не доставал, найти то, что осталось от Олив, коснуться половиц домов,

затопленных в тысяча девятьсот четырнадцатом году, и всплыть на поверхность с занозой в пальце как доказательством – значит, наверное, я могу. Я должна. У Руби получалось превращать меня из обычной девчонки, на которую никто бы и не взглянул дважды, в ту, на которую стоило посмотреть. В особенную, даже мифическую.

Вот что значило быть ее младшей сестрой.

Чем больше Руби говорила обо мне, тем больше парней поворачивалось в мою сторону. Произнося мое имя, она оживляла меня, ее слова меня расцветивали, развеивали мне волосы. О чем думали парни, было понятно по тому, как лучи их фонариков падали на меня, куда они падали и как долго задерживались. О чем слова Руби вдохновляли их думать.

– Верно, Хло? – сказала Руби. – Скажи им, что ты это можешь. Давай, скажи.

Мне не видно было ее лица, но даже в темноте я знала, что она улыбается. Поддразнивает меня.

Я пожала плечами – ну да, наверное, я могла бы сделать это.

Я стояла на камне, который почти скрывала вода, – спустись с него, оттолкнись и плыви. Отсюда, казалось, можно разглядеть едва уловимые силуэты старых каменных фундаментов, по-прежнему стоящих на своих местах. Рассыпавшуюся стену. Оставленную открытой дверь в подвал. Возможно, выглядывающую из-под воды трубу камина или церковный шпиль. С берега, в темноте ночи, казалось, что я могла бы перейти водохранилище вброд, но это была всего лишь иллюзия, ибо дно уходило вниз на несколько футов. Водоем был глубоким настолько, что мог бы затопить целые поселения – что и на самом деле произошло. Он уничтожил девять. Руби знала; именно она мне об этом рассказала.

Я могла бы стоять на этом камне в воде, потом зайти по колено, не дальше. Я могла бы ничего не делать, и завтра Руби бы даже не сердилась на меня. Но о чем бы мы тогда говорили?

Мне было четырнадцать, гораздо меньше, чем всем этим парням, которые тыкали в меня лучами своих фонариков. Тусоваться с друзьями Руби означало

быть осторожной в том, кто на тебя смотрел, чью бутылку ты украдкой взяла, чтобы сделать глоток, кому разрешила сесть рядом с собой в темноте, где Руби не могла увидеть. Само по себе водохранилище было куда безопаснее, слишком большим, чтобы следить за ним в ночи, – нефтяное пятно вместо нанесенного на карту и измеренного со всех углов океана.

Поэтому, когда сестра встала во весь рост на гряде камней, показала куда-то во тьму и сказала, что прямо сейчас, в эту самую минуту, я смогу переплыть его, я не возразила. Руби показывала на водохранилище протяженностью около двух миль, но казалось, что она показывает на само ночное небо, на иную вселенную вне времени, которую я могу пересечь.

Многие были не в курсе истории нашего водохранилища. Они никогда не задумывались о том, что было там прежде. Ночью оно было чем-то неопределенным, без формы и цвета. Можно было лишь почувствовать его вокруг себя, входя в воду, подгибая колени, жадно вдыхая воздух и позволяя водоему проглотить твое сердце. А когда ты нырял, все звуки исчезали. Чем ниже ты погружался, тем плотнее смыкалась над тобой вода – о том, что было в ней, мы не думали, не хотели знать. Приходилось следить за пальцами на ногах, чтобы не пораниться о занозистое дно, и за своей одеждой тоже: водохранилище славилось тем, что забирало что хотело и когда хотело. В этих старых водяных воронках терялись не только монеты и ключи от машины, но и верх бикини или сережки от пирсинга. Руби однажды потеряла кольцо, подаренное ей одним мальчиком, кольцо ручной работы, сделанное его отцом, клятву, которую она не собиралась сдерживать. Так что в случае с Руби водохранилище забрало то, что хотела она, как будто между ними существовало своего рода взаимопонимание. Всем остальным нужно было быть куда более осторожными.

Водоохранилище не принадлежало нам, хотя его воды доходили до наших задних дворов. Оно пересекало многочисленные городки в долине реки Гудзон, тянулось вдоль наших дорог. Оно было там, за деревьями, цепями и знаками «Проход запрещен», огражденное дамбой и укрепленное, но сверкающее в любую погоду, так и манящее нас сбросить одежду и прыгнуть в воду. Оно – часть водосбора, снабжающего город Нью-Йорк, – так и умоляло нас воспользоваться этой возможностью.

Я любила плавать в нем, Руби это знала. Нам нравилось думать о них, горожанах, считавших, что их жизнь куда лучше нашей, хотя им приходилось

ютиться в своем сером городе, запирается в своих коробушках, дышать спертым воздухом и принимать ванну с водой, в которой мы только что купались.

Плавать в водохранилище было противозаконно, но я все равно это делала – все мы это делали, и даже кое-что еще. Мы блевали в эту воду, когда напивались так, что едва могли держаться на ногах; писали, когда никто не видит, в темноте; кое-кто из девчонок поддавался там искушению, считая, что презерватив им не понадобится; в этой воде глупые девчонки делали глупые вещи.

Я приходила сюда с самого раннего детства. К тому же я знала, что не утону, если попытаюсь переплыть водоем, – так сказала Руби.

И вот я встала в полный рост, сняла футболку, шорты и вошла в воду по колена.

Я знала, чего она хочет, – устроить шоу для всех остальных. Руби сказала, что я могу сделать невозможное и мне нужно было лишь притвориться, что именно это я и собираюсь совершить – и заставить их изумиться и поверить. Ее друзья были явно нетрезвыми, и завтра они бы вспоминали всё так, как хотелось бы ей.

Я двинулась дальше, погрузилась в воду до талии. Руби подначивала их:

– Хлоя переплывет его от края до края, легче легкого. Хлоя принесет нам что-нибудь из Олив, вот увидите. Верно, Хло?

И кто-то из парней кричал:

– Да, Хлоя, думаешь, ты справишься?

А остальные парни орали:

– Да ни за что!

– Давайте посмотрим, пусть попробует!

Вокруг меня прыгали лучи фонариков. Парни звали меня по имени, и оно разносилось над водой. Мое имя.

Ощущение было такое, что на меня смотрели все. Теперь это была моя ночь, словно сестра передала мне ее из рук в руки, просто из любопытства, чтобы посмотреть, что будет.

Все началось с того, что Руби позвала с собой на водохранилище нескольких парней, потом по городу пополз слухок, как и всегда, новости о вечеринке передавались из машины в машину на Виллидж-Грин[2 - Так обычно называют любое озелененное открытое пространство в центре города, предназначенное для встреч, проведения праздников и общения местных жителей. - Примеч. ред.], жужжали телефоны, летали сообщения, мальчишки и девчонки, с которыми мы бы даже не стали разговаривать при свете дня, трепались: «Слышали? Руби хочет пойти купаться».

Я поняла, как много народу пришло, только тогда, когда обернулась к берегу. И тут же мои глаза нашли его, единственного мальчишку на скалах, который не кричал. Он стоял на самом высоком валуне: щетинистый силуэт, по которому было заметно, как сильно отрос его ирокез, твердый подбородок отвернут в сторону. Красная вспышка, когда он затянулся сигаретой своего брата, темнота, когда он растоптал окурок о землю, и все, больше никакого света. Он был единственным, кто не смотрел. Его брат тоже был там, наверху, и с ним еще какая-то девчонка в белой футболке, настолько белой, что она ярким пятном выделялась на темном берегу. И они оба наблюдали за мной. Их головы были повернуты в мою сторону. Но не его.

Я отвернулась. Нужно было продолжать играть комедию, раз это было тем, чего хотела Руби.

- Конечно, я смогу! - закричала я парням, собравшимся у воды. - Еще как смогу!

Руби, похоже, совершенно не волновалась. Ни капельки. Как будто я совсем недавно не пила «Роллинг Рок»[3 - Марка пива, производимого в США.], которое мне сунул один из ее друзей, как будто не допила ее бутылку вина, когда она не смотрела. Как будто я была олимпийской чемпионкой по плаванию и уже делала это не раз - ныряла на глубину, чтобы порыться в разбухших шкафах... как будто история, которую она рассказывала обо мне или о затонувших городах на дне водохранилища, была правдой.

- Так ты плывешь или нет? - крикнул мне один из друзей Руби.

– Да, – ответила я. – За двадцать баксов.

И Руби в знак одобрения улыбнулась своей едва заметной улыбкой и протянула руку, чтобы забрать деньги.

Я видела Руби в свете фонарика. Тем летом ей исполнилось девятнадцать. Она была красивой, все так говорили, но это не всё. Ее волосы были насыщенного каштанового цвета и доходили до поясницы. На носу у нее была россыпь веснушек, немного, но достаточно, чтобы посчитать. Она носила ботинки каждый день, даже с сарафанами, и никогда не выходила из дома без солнечных очков с огромными черными стеклами, какие носят знаменитости, когда прохлаждаются на каком-нибудь далеком тропическом пляже. Когда Руби поднимала очки на лоб, чтобы волосы не падали на глаза, когда можно было увидеть ее лицо целиком, у людей была такая же реакция, как если бы они увидели какую-то фотомоделю, показавшую им то, что у нее под футболкой. Машины останавливались, прохожие тарасились. Руби излучала какой-то особенный свет, который не описать словами – чтобы понять, надо было ее увидеть.

Я казалась ее эхом. У нас обеих были длинные темные волосы и иногда проявлялись веснушки. У нас не только была общая мать, но и любовь к сладостям и медленным печальным песням; нас обеих укачивало в транспорте, и обе мы разговаривали во сне; когда было холодно, наши коленки становились фиолетовыми; мы обе могли икать днями напролет; по телефону нас почти невозможно было различить, так что она могла притворяться мной, а я – ею, если мы хотели одурачить кого-нибудь.

А еще у нас были одинаковые ушные мочки, мизинцы и пальцы на ногах. Но это все малозначимые детали. Кто будет называть девушку красавицей только из-за ее пальцев на ногах? На самом деле я была лишь как карандашный набросок копии полароидного снимка моей сестры: наше сходство было заметным лишь при определенном свете, да и то, если вы нарочно пытались его увидеть, потому что понравились мне и я сказала вам об этом.

И только тогда, находясь в воде, под взглядами всех собравшихся на берегу, я задумалась – вот, значит, каково это – быть моей сестрой. Когда все всегда смотрят на тебя. Видят тебя.

Руби в этот момент тоже глядела на меня, издалека, но прямо мне в глаза.

- Готова? - спросила она и улыбнулась улыбкой, предназначенной только мне.

Понятия не имею, с чего она решила, что я могла бы вернуться с сувениром из Олив, но мне нельзя было спрашивать ее об этом, не на глазах у всех. Я знала, что она уже начала собирать по кусочкам историю, которую рассказывала бы всем назавтра - Руби обожала свои истории, - и в ней я была звездой.

- Готова, - ответила я.

Это должна была быть история о том, как я переплыла водохранилище и как благодаря заработанной мной двадцатке мы могли бы забыть о просроченном счете за телефон и поужинать в «Литтл Беар».

И никак не история о том, как я утонула в самом глубоком месте водохранилища в то лето, когда мне исполнилось четырнадцать, - Руби никогда бы не позволила этому случиться.

- Давай, Хло, - крикнула мне Руби, - покажи им, на что ты способна. Захвати нам что-нибудь классное!.. Вперед!

Парни у края воды гнали волны в моем направлении, давая ход течению, которое должно было подтолкнуть меня. И они смотрели на меня так, как смотрели на нее. Потому что было темно и поздно, потому что они либо находились в недоумении, либо под кайфом, либо были пьяными, либо всё вместе. Но меня это не напрягало, а скорее мне даже нравилось.

Я поплыла.

Была ночь, и они никак не смогли бы увидеть, насколько далеко я оказалась от берега. С моей скоростью меня не выловил бы ни один луч фонарика. Я быстро проплыла мимо той линии, где галька, до которой можно было достать пальцами ног, исчезала, и ее уже больше нельзя было почувствовать, как будто дна не было совсем. Я стремительно плыла к самому глубокому месту, где никто не смог бы увидеть меня.

До меня доносились голоса с берега, а потом перестали. Я продолжала плыть.

Вокруг меня была вода, знакомая, теплая. Мне даже можно было не открывать глаза – я знала дорогу. Но вдруг стало холодно, градусов на десять ниже, и я поняла, что приблизилась к тому месту, где, как говорила Руби, был центр Олив. Его сердце, по ее словам, находилось посреди водохранилища, в самой глубокой, бездонной его точке.

Когда я доплыла до места, где вода стала холоднее, ноги словно налились свинцом. Вода будто уплотнилась и потянула меня вниз.

До затопления здесь действительно находился городок под названием Олив; это есть в учебниках по истории, это не выдумка Руби. Олив был одним из девяти городков, стертых с лица земли, потому что в какой-то момент Нью-Йорку стало не хватать воды. Мегаполис выкупил эту землю и построил плотину. Вырубил все деревья и выкопал эту здоровую яму. У людей забрали дома и фермы и сровняли их с землей. Олив снесли, уничтожили, словно его и не было никогда на этой равнине. Словно стерли ластиком.

Руби знала об Олив больше других. Она знала такое, о чем никто и понятия не имел. Она говорила, что жители городка не хотели уезжать, что Нью-Йорк пытался выкупить их дома, церкви и школы, фермы и магазины, но люди не стали ничего им продавать. Жители других городков забрали деньги и разъехались кто куда. Только в Олив игнорировали уведомления о выселении, поступали так же, как Руби, которая, когда ярко-оранжевым извещением опечатали дверь нашей квартиры, просто-напросто разрежала его и вошла внутрь. Все было точно так же, говорила она мне, «но только представь, что как будто наступил конец света, потому что в городе не осталось ни одного дерева, ревели огромные машины, вытаскивая землю прямо у нас из-под ног, а нам некуда бы было пойти».

Жители Олив не передумали, даже когда девятнадцатого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года целый час свистел паровой свисток – показать им, что строительство дамбы завершилось. Лишь только люди из Олив остались на той земле, на которой родились, и ждали, когда придет вода и затопит их.

– Но они же ушли, – помню, говорила я Руби, когда она рассказала мне эту историю. – Они должны были.

– Думаешь? – всё, что она ответила.

Проплывая над Олив, я задумалась.

Руби говорила, что там, где когда-то стоял Олив, можно до сих пор отыскать жителей, которые так и не покинули городок. Будто они смотрят в мутное небо и ждут, когда увидят днища наших лодок, наши лески, считают наши проплывающие ноги.

Они не были привидениями, уверяла она меня, когда я вздрагивала от страха; они были всё теми же живыми людьми, только вместо легких у них выросли жабры. И старели они намного медленнее, потому что там, внизу, в иле, время почти остановилось. Когда я была маленькой, она специально пугала меня, говоря, что они всё обо мне знают, что они заметили меня, как только мы впервые вторглись в их владения, чтобы поплавать. Они знают меня по моим ногам, говорила она, и помнят, как я двигаю ими; они только и ждут, когда же я раскапризничаюсь, закачу истерику, в надежде, что ее терпение лопнет и она позволит им забрать меня.

Если она толкнет меня прямо сейчас, то их холодные перепончатые руки сразу же утянут меня вниз за лодыжки. Но не надо волноваться, успокаивала меня сестра, там, внизу, у меня будет все, что нужно. Мороженое в водохранилище было зеленым, а значит, с мятным вкусом, моим любимым. Под водой куда веселее качаться на качелях. И не нужно тратить время на дыхание.

Те времена, когда она угрожала бросить меня в Олив, давно прошли. Да и Руби никогда не говорила этого всерьез. Ясное дело, сестре было четырнадцать, мне девять, и ей приходилось везде таскать меня с собой. Иногда она жаловалась на это за закрытыми дверями, не зная, что я подслушиваю. Говорила маме, что это та должна учить меня завязывать шнурки и разогревать лапшу на ужин, подписывать разрешение на поход в музей динозавров. Да, она все это говорила, но я знала: на самом деле Руби не хотела, чтобы я вдруг исчезла из ее жизни.

Как и сейчас.

Руби отправила меня сюда, зная, что Олив больше не существует, – ей просто хотелось сделать свои истории интересными. И с ее подачи я в кои-то веки оказалась в центре всеобщего внимания.

Она же стояла на берегу и наблюдала. Я ощущала на себе ее взгляд, взгляды ее друзей... но еще и другие взгляды, снизу.

Я обернулась, вернее, попыталась, но увидела лишь воду.

Наверное, все думали, что я еще плыву. А я уже остановилась – хотя не помнила, чтобы останавливалась или чтобы замедляла темп. Я дрейфовала в открытом пространстве, мои ноги еще были тяжелыми.

Вода здесь была намного холоднее. И вдруг что-то возникло у меня на пути, как будто специально. Маленькая лодка покачивалась на волнах, невидимая в темноте ночи. Я положила на нее руку, зацепляясь за ржавый бок, чтобы выровнять дыхание. В небе сияла половинка луны, а звезд было столько, что не пересчитать и до утра.

Я ждала, расслабив ноги, в круге из мокрых волос, и прислушивалась к тому, что происходило на берегу. Смех. Всплески воды. Кто-то тащил каноэ из леса. Кто-то разбил бутылку о камни.

Но никто не звал меня.

Может, они забыли о моем существовании? Может, меня уже слишком долго нет? А может, они поняли, что я и не собиралась переплыть водохранилище. Я не всегда делала так, как говорила мне Руби. Я делала то, что сама хотела. Я делала, а потом оборачивалась посмотреть, что она скажет.

Может, все поняли, что это была лишь шутка, обман. Потому что, конечно, Руби шутила – мне нужен был воздух, как и всем остальным; у меня всего две ноги и нет никаких жабр. Если среди нас и затерялось мифическое создание, то это была Руби – на нее мы все смотрели, ее мы все слушали; только ее любили все парни и дрались между собой за то, чтобы быть с ней; но ее нельзя было взять в плен или посадить в клетку. Истории, которые она рассказывала обо мне, не имели никакого значения. Парни хотели лишь одного – получить шанс оказаться в какой-нибудь истории вместе с ней.

Откуда-то издалека до меня донесся голос Руби. Казалось, она за много-много миль от меня. Я услышала ее смех – узнала бы его где угодно – натянутый,

сухой, который обычно обрывался почти сразу, остальные смеялись дольше. Для нее по-настоящему смешным было лишь то, что говорила она сама, ну, или я. Она смеялась ради меня.

В животе плескалось вино, зубы стучали от холода, из носа текло. Почему она не звала меня вернуться?

Больше я ее смех не слышала. Вообще ее не слышала. Как будто просто вообразила себе, как она смеется, стоит на берегу и ждет меня. Может, если я приплыву обратно, то найду на берегу ее одежду, свою двадцатку в ней, а Руби просто... исчезнет.

Я уже собиралась оттолкнуться от лодки и поплыть обратно, когда вдруг мои пальцы нащупали что-то странное. Моя рука была перекинута через борт лодки и свисала на ее дно. И что бы там ни почувствовала я своими пальцами, оно было намного холоднее воды, холоднее горного воздуха. Оно было ледяным. Мертвенно-ледяным.

Я начала двигать рукой, пытаюсь на ощупь определить, что это, «увидеть» его своим прикосновением, и оно стало обретать форму. Что-то длинное и мягкое, переходящее в плоское и нежное. Пять тонких отростков расходились в разные стороны. Они заканчивались... о боже, ногтями!

И тут наконец я услышала свое имя.

– Хло! – кричала Руби. – Хлоя! Хло!

В любое другое время мое сердце затрепетало бы от того, как звала меня сестра: так сильно ей хотелось, чтобы я вернулась, так громко она кричала, чтобы слышали все, но сейчас оно даже не билось. Я не могла говорить, не могла издать ни звука, чтобы крикнуть в ответ.

В лодке лежала чья-то рука. Чья-то холодная, мертвая рука.

Тут показался свет фонариков. Достаточно близко, чтобы выхватить меня из темноты – все-таки, наверное, я заплываю не так далеко, как мне казалось. Лучи прыгали по моему лицу, шее, плечам – вот она я, здесь, в воде, держусь за

лодку, живая и здоровая. Но они осветили еще и то, что находилось в лодке, и я увидела: пара плеч, длинная шея, лицо. Не мое лицо.

Девушки, чей безжизненный взгляд уперся в половинку луны. Девушки, которая оставила здесь свое тело, чтоб я нашла его. Девушки с бледными волосами и бледными щеками, которые казались еще бледнее на фоне белой футболки.

Меня схватили чьи-то руки – больше, не руки Руби, а значит, она послала за мной парней – и сначала сжали меня сильно, но потом их обладатель, кто бы это ни был, увидел девушку в лодке, отпустил меня и кричал, хватаясь за лодку, но не за меня.

Это лицо в лодке могло бы быть моим; эта мысль молнией пронеслась в моем сознании, исчезнув быстрее, чем появилась.

Но это было все то же лицо другой девушки. Я запомнила два открытых глаза и закрытые, треснувшие губы. Я узнала ее. Мы были знакомы.

Ее звали Лондон, вдруг выскочило в памяти. Лондон Хейз. Мы обе ходили на французский, стоявший в расписании седьмым уроком: ей было столько же лет, сколько и мне.

Потом произошло столько всего, да так быстро, что это невозможно было осмыслить.

Я помню, как меня крепко схватили за руку и потащили к берегу. Как все кричали. Как притянули к берегу лодку. Помню свет, которого вдруг стало явно больше, чем мог дать рой карманных фонариков. Свет, в котором можно было утонуть. Я помню холод, который остался внутри меня, сковав льдом все тело.

Мы пытались сбежать, но некоторых из нас все равно поймали. Поймали и меня. А когда они поймали меня, моя сестра позволила им поймать и себя. Нас обвинили в незаконном проникновении на частную территорию, задержали для допроса, потому что сначала, до вынесения решения о том, что произошла передозировка наркотиками, в полиции считали, что произошло убийство.

Никто не признался в том, что дал Лондон наркотики. Никто не признался в том, что положил ее тело в лодку. Никто не знал подробностей происшествия.

Я же продолжала видеть ее лицо, даже после того, как Лондон вытащили из лодки и увезли. Продолжала слышать плеск воды, как будто в ней по-прежнему плавали люди, хотя все уже вылезли на берег и ушли далеко от водохранилища.

И вот я повернулась к своей сестре, сидевшей рядом со мной на заднем сиденье полицейской машины, в которой мы вдруг оказались. Моя сестра, раньше никогда не бывавшая в полицейской машине, не сопротивлялась, не хваталась за решетку, не предпринимала никаких попыток вырваться на свободу.

В ее глазах застыли ночные звезды, волосы сияли в свете полицейских огней, и она вела себя так, как будто ничего не случилось – пока не посмотрела на меня.

– Что такое, Хло? Ты выглядишь такой... напуганной.

Я потрясла головой, не в силах передать эмоции словами. Мы сидели рядышком в машине, но часть меня бултыхалась в том холодном месте водохранилища, хваталась за борт лодки и дрожала. Я как будто все еще была там.

Руби взяла мои волосы и отжала на пол машины, оставив копам большую лужу; потом она положила мою голову себе на колени, ничуть не переживая о том, что я намочу ее юбку, и сказала мне закрыть глаза и поспать.

Что было после этого, я почти не помню. Вернее, стараюсь не вспоминать.

Тем летом я перестала жить с Руби. Мой отец забрал меня в Пенсильванию, мои волосы отросли, и я потеряла девственность на заднем сиденье «Субару», но Руби не было рядом, чтобы рассказать ей об этом. Руби рядом не было.

Иногда я звонила ей, попадала на голосовую почту и слушала ее голос на автоответчике – почти неотличимый от моего собственного голоса, – который говорил: «Оставьте сообщение, если посмеете».

Я не смела.

Вместо этого я думала о других вещах. Например, о том, что все-таки смогла бы доплыть до другого берега, если бы не остановилась, чтобы перевести дыхание.

О том, что тогда могла получиться совершенно другая история – как я переплыла водохранилище глубокой ночью, в четверг, летом, когда мне исполнилось четырнадцать. Как я нырнула, чтобы совершить путешествие под водой, словно субмарина в смиксованном бикини, торпеда из волос и взбивающих за мной воду ступней. Доказательство, как она сказала бы, того, что я создание, которому не нужны легкие – внутри меня сейф, наполненный воздухом и рассеянными облаками: в случае крайней необходимости разбейте стекло и вдохните.

В воде мои ноги превращались бы в хвост, а руки в плавники. Руби говорила, что она видела такое не раз – много лет назад, когда купала меня, когда наша мать была за решеткой. Она видела серебристую плоть под пузырьками воздуха, быстрое изменение кожи – видела это своими собственными глазами.

Как и хотела Руби, я могла бы доплыть до холодного места и уйти на глубину. Коснулась бы руками потемневших половиц и заброшенных дорог городка, жители которого так и не смогли его покинуть, оставила бы везде свои отпечатки. А потом я бы поднялась на поверхность с частичкой Олив: ржавой вилкой, которую взяла бы с проплывающего мимо обеденного стола, и покрытым водорослями гребнем, который Руби могла бы высушить и расчесывать им свои волосы.

Как никто не верил, как все считали это невозможным, но лишь до тех пор, пока не осветили бы своими фонариками на другой берег и не увидели там меня. А я бы стояла и размахивала гребнем, как будто я особенная, даже мифическая – как Руби говорила.

2

Руби не говорила

Руби не говорила мне остаться. Вслух, так, чтобы я услышала. Она подошла к обочине, когда я села в папину машину, и просто стояла и смотрела, как мы уносимся прочь, даже не подняв с лица солнечные очки.

Она словно не замечала моего отца, приехавшего из другого штата, чтобы забрать меня. Руби разговаривала только со мной, как будто он был пятнышком на линзах ее блестящих очков, которое она, не задумываясь, стерла – а до того она смотрела сквозь него, как будто его и вовсе не было.

Она сказала мне лишь одну фразу: «Как бы я хотела, чтобы тебе не пришлось этого делать, Хло». А потом ее голос сорвался на сдавленный всхлип, она попятилась от машины и больше не произнесла ни единого слова.

Две темные линзы между нами, опущенное окно машины, крутой поворот направо. А потом мили автострады, молчащие телефоны, и затем – годы.

Папа, с которым я уехала, не был папой Руби. У нас были разные отцы, так что фактически мы были сестрами наполовину, но мы с ней половин не признавали. Она была рядом со мной с самого момента рождения – в буквальном смысле, «в той же комнате», сказала бы она и вздрогнула. Она видела, как я появлялась на свет, в нашем доме, на диване-футоне, и пусть это напугало ее до чертиков, сестра никогда этого не забудет. Как и я.

– Я никогда не оставлю тебя, – обещала мне Руби.

Клялась, положила одну руку на сердце, а другой крепко сжимая мою ладонь.

– Я никогда не оставлю тебя, – говорила она. – Никогда-никогда.

В отличие от мамы, но этого ей и не нужно было говорить. В отличие от моего отца, который оставил меня, и ее отца, который оставил ее. Нет, обещала она. Никогда.

Оказавшись далеко от нашего городка, я пыталась забыть о своей жизни с Руби. Теперь у меня была новая жизнь. По средам я больше не устраивалась калачиком на диване, чтобы поиздеваться над фильмами для девчонок, не

надевала старые ролики, чтобы покататься по рампам за Молодежным центром; нет, теперь я сидела в одиночестве и делала домашнюю работу. По уик-эндам больше не было веселых походов по магазинам за солнечными очками, не с кем больше было вырезать ножницами покрашенные губы и глаза моделей из глянцевого журналов, чтобы потом наклеить их на стены. После последнего звонка меня больше не ждала белая машина – никаких объездов по старому шоссе, тянувшемуся вдоль новой магистрали, никаких открытых окон, в которые врывался ветер и делал мои волосы похожими на солому, торчащую из головы пугала. Мне приходилось ездить на автобусе.

Но я постоянно думала о Руби. О том, как мы были вместе, что мы делали.

Например, о том, как мы сидели на каменных скамейках на Виллидж-Грин, в самом центре нашего городка, наблюдали за проезжающими на машинах, смотрели, как они смотрят на нас... И только теперь я задумалась: почему Руби любила сидеть там? Чтобы быть у всех на виду? Знала ли я, что вселенная вращается вокруг того места, где находилась Руби, будь то на Грин или дома, или притворялась, что не знает? Что она была как солнце, которому стало все лень и которое спустилось с неба, чтобы полежать на крыше в своем любимом белом бикини только потому, что ей так захотелось?

Я старалась не задумываться об этом.

Я вспоминала о нашем городке. О ясной синеве наших гор и яркой зелени наших деревьев. О круглосуточном магазинчике «Камберленд Фармс» при автозаправочной станции, где работала Руби, заливая бензин, пробивая чеки на кассе, запуская руку в ящик с наличными, надувая туристов. О ее квартирке у Мельничного ручья, о ее огромной, как у старушенции, машине. О магазине, где она покупала свою фирменную помаду цвета красного вина, и о том, как они держали ее под прилавком, чтобы никто больше не смог носить такой же цвет. О стадионе, где мы качались на качелях, о водосливной плотине, куда ходили на вечеринки. И о водохранилище, что было хуже всего. Каждую ночь я шла незаметной тропинкой к Олив и не могла остановиться, даже если пыталась.

Там в моих снах всегда было темно. Звезды на небе всегда рассыпались одним и тем же узором, потому что это была все та же ночь и время повернулось назад, чтобы позволить мне занять свое место, вернуться туда, где мне суждено было быть.

Я ощущала тот же привкус вина во рту, слышала те же голоса, доносящиеся с берега. Мое тело двигалось, чтобы переплыть это огромное расстояние, пусть я и знала, что вскоре все равно окажусь в том холодном месте.

Пусть я и знала, что скоро доплыву до лодки. И до нее.

Но холод каждый раз удивлял меня. Страх ощущался такой же сильный.

Потому что она была там, та девочка в лодке, именно в той самой точке водохранилища, где я остановилась в ту первую ночь и останавливалась каждую ночь в своих снах. Руби всегда говорила, что защитит меня, но я не могла перестать думать о худшем, а ее не было рядом, чтобы заставить меня подумать о чем-то другом.

Той ночью она не смогла защитить меня.

Я могла быть той девушкой, которую похоронили.

Чем больше проходило времени с тех пор, как я уехала, тем больше я думала о девчонке, которая сидела на последней парте на французском, о Лондон Хейз. О том, как она обрезала волосы перед началом лета и сделала стрижку, как у мальчишки. Но я уверена, что раньше у нее были длинные волосы, без челки, которую носили все девчонки в нашем городке, потому что с челкой ходила Руби. И я вспоминала о том, как топорщились уши Лондон после того, как она обрезала волосы, – может, ей вообще нужно было хорошенько подумать, прежде чем делать такую стрижку, но, похоже, никто ее не надоумил.

Однажды мисс Блант, наша учительница французского, вызвала Лондон к своему столу, потому что увидела, как та рисовала в своей тетради. Она заставила Лондон показать свой набросок всему классу: на фоне перекрестных штрихов и растушеванных каракулей была нарисована обнаженная девушка с кровожадными глазами и острыми, зазубренными ребрами, ее соски свисали, как еще одни пальцы, ногти были черные, как от болезни.

Он, этот рисунок, был гротескным, в чем-то даже оскорбительным. Мисс Блант смотрела на разлинованную страницу, сердито тыча в нее синей шариковой ручкой, оставляя в ней дырки, и на своем резком, нарочито громком французском спрашивала Лондон: «Qui est-ce?»[4 - Кто это? (фр.)] Снова с

негодованием тыкала в страницу. И снова спрашивала, с еще большим выражением: «Qui est-ce?»

Мы напрягали мозги, силясь вспомнить, что это значит – что-то из другого французского, который не нужен был нам для экзамена, – но Лондон знала этот вопрос и знала, как на него ответить. Она печально покачала головой и сказала: «C'est moi». Это я.

У этой девчонки явно были какие-то проблемы.

А так я почти ничего о ней не знала. Ходили слухи, что как-то раз она приняла пять доз ЛСД и нарочно пришла в школу, типа такой ходячий биологический эксперимент, который, как по мне, провалился, потому что она не досидела и до четвертого урока, которым стояла физкультура. Еще народ говорил, что она пила с шестого класса, но это скорее был комплимент.

Я наверняка видела ее и за пределами школы. Она знала друзей Руби, и ее можно было заметить на задних сиденьях их машин, когда они катались вокруг Грин. Кроме того, она дружила с Оуэном – это уже невозможно было не заметить, – парнем, которого я изо всех сил старалась забыть, ибо он едва замечал меня. И еще, я уверена, как-то раз она одолжила у меня ручку, но так и не вернула.

Я знала, что той ночью она тоже была у водохранилища, хотя ее никто не приглашал.

Это все, что я знала.

Через несколько недель после того, как я переехала в дом папы и мачехи в Пенсильвании, мне пришла посылка от матери. Она снова бросила пить и, наверное, решила показать, что скучает по мне, типа такой жест ради меня. Но он никак не исправил ситуацию. Это был пакет с хламом, а не посылка с гостинцами: россыпь перьев и бус из магазина товаров для рукоделия, где она работала по выходным; камешек из, как я полагала, Мельничного ручья, на котором был слой пыли нашего городка; какой-то менструальный чай (серьезно?); потрепанная книга о тотемных животных (ее тотемом была воробей, говорила она, и взяла себе название птицы в качестве нового имени; Руби же

говорила, что на самом деле ее тотем – вампир, летучая мышь); и ничего от Руби.

Со стороны моя мать могла показаться совершенно невинной. Волосы ниже талии, словно она собиралась установить мировой рекорд, ожерелья из бисера, цыганские юбки. Она совершенно серьезно заставляла людей в городе называть ее Воробей. Но это была лишь роль, которую ей нравилось играть на публику, еще не успевшую выскользнуть через черный ход; это была ее ария в душе для тех, кому нужно было пописать и ничего не оставалось, как слушать.

На самом же деле моя мама была жесткой, словно утоптанная консервная банка, любые эмоции отскакивали от нее во многом благодаря яду, который она заливала себе в глотку. Именно поэтому она добавила в посылку еще кое-что: газетный некролог. Как будто хотела, чтобы я не забывала.

Руби скорее отправила бы мне свой отрезанный палец, чем такое. Она бы догадалась о моих кошмарах после того случая на водохранилище: покачивающаяся лодка, осознание того, что в любой момент подводные жители Олив утянут Лондон вниз, на свой затопленный Виллидж-Грин, за ее гниющие черные пальцы, а потом потянут вниз мои пальцы, а следом и всю меня. Она без лишних слов и разговоров поняла бы, что напоминание – последнее, что мне нужно.

Моя мама едва меня знала. Если бы Руби своими глазами не видела, как я появилась на свет из тела матери на диване-футоне, я бы подумала, что меня подобрали на обочине Двадцать восьмого шоссе, в том же самом месте, где мы нашли тот диван.

Некролог был аккуратно вырезан из газеты, которую издавали в городке, расположенном по другую сторону границы округа. Маме пришлось постараться, чтобы достать ее для меня: пересечь мост Мид-Гудзон и прочитать местные газеты. В сообщении о смерти была фотография Лондон, еще с длинными волосами, без намека на улыбку. Зато не видно было ее ушей. Текст под снимком был коротким и общим: что она погибла слишком молодой, имена тех, кто скорбит по ней, что вместо цветов предпочтительны пожертвования и все такое. Никаких упоминаний того, как она умерла и где.

Точно так же там не было ни слова о наркотиках, на которых она сидела; должно быть, было непорядочно сообщать такие вещи о покойниках. И еще непорядочно

было со стороны моей матери высылать мне этот некролог.

Руби разорвала бы его на мелкие кусочки и сожгла в камине. Она бы врубила магнитофон, чтобы забыть обо всем, включила бы что-то старое, типа Рика Джеймса или 2 Live Crew, что-то пошлое, громкое и несомненно живое, чтобы эти слова раз и навсегда вылетели из наших голов. Так бы все и было, если бы я осталась.

После этого я больше не слышала о Лондон. Мама ничего мне не присылала: она вдруг исчезла с радаров, как обычно, а случайные сообщения от Руби заставляли меня думать о совершенно других вещах.

мне приснилось, как мы скакали на диких лошадях вниз с горы. ты потеряла свою шляпу, но я нашла ее, не волнуйся

мне приснилось, что у нас был один на двоих вымышленный парень и его звали Джорджи. классный, но из дыма. пах лимонами

мне приснилось, что мы жили в огромном голубом аэростате. на облаках росли ягоды, и ты все время была голодная

мои ботинки скучают по твоим ногам

моя голова скучает по твоей щетке для волос

моя машина скучает по твоей теплой заднице

И иногда посреди ночи, зная, что я сплю, она присылала просто два символа: хо[5 - В сообщении «Х» значит «целую», «О» - «обнимаю». - Примеч. ред.].

Я тоже по ней скучала.

Папа никогда не заговаривал о том, что толкнуло меня переехать к нему спустя столько лет. Но все же иногда он косился в мою сторону, как будто ждал

первого признака мутации. Словно в любую минуту я могла начать икать, свалиться в судорогах, отрастить вторую голову, и тогда бы ему пришлось кормить еще один рот. Это была терапия, временная – приятный бонус к общению со школьным психологом – и еще была работа по дому. Выносить мусор. Чистить гараж. Мыть посуду, горы посуды. Отвлечение, типа того.

Физический труд какое-то время помогал, хотя, когда я стояла по локоть в мыльной пене, оттирая упрямую кастрюлю, невольно вспоминала, как мыла посуду Руби: складывала ее в стопки в раковине и на плите до тех пор, пока не оставалось лишь одно – оттащить все это в ванну хорошенько отмокнуть. А потом о том, как, искупав посуду в ванной, мы бросали ее, словно диски фрисби, на диван, и если какая-то тарелка не долетала и разбивалась – что ж, в следующий раз приходилось мыть меньше.

Такой могла бы быть моя жизнь. В новой школе я не была какой-то особенной; не была родственницей кого-то особенного. Я могла бы остаться там, получать В, изредка В с плюсом[6 - Оценки в школах США имеют не цифровое, а буквенное обозначение: «А», «В», «С», «D», «F» (первые буквы английского алфавита). «А» соответствует русской оценке 5, «С» – 3. Успешной считается оценка не ниже «С», а для продолжения обучения по окончании школы требуется оценка не ниже «В». – Примеч. ред.], заниматься в часы для самоподготовки, бросать мячи через спортзал, забывать код замка на своем шкафчике, пройти курс алгебры первого уровня, пройти курс землеведения, чуть не завалить курс по искусству. Сидеть на трибуне и не танцевать на балу в честь Хэллоуина, стоять в углу и не танцевать на выпускном. Ничего интересного.

Время шло, и вскоре я позволила себе забыть детали той ночи. Почему я так испугалась. И почему вообще уехала из нашего городка.

Именно тогда она и решила действовать.

Однажды Руби дотянулась до меня и встряхнула. Она смогла сделать это даже через границы штатов.

Тот день начался как любой другой (по дороге в школу заглох автобус; на первом уроке писали контрольную; на физкультуре мне в лицо прилетел мяч), но потом звезды сдвинулись. Декорации подняли и перенесли за кулисы, сцена поменялась. Должно быть, Руби решила, что время пришло, и сила этого

решения выплыла из нашего городка в горах Катскилл, взмыла над нашей рекой и дорогами и нашла меня в этой плоской равнине автомагистралей, где реклама фастфуда возвышалась над кронами деревьев, в этом новом городе, куда я переехала, чтобы жить дальше.

И день перестал быть похожим на любой другой.

Во время ланча мне улыбнулась какая-то девчонка из команды по чирлидингу. Учитель по изобразительному искусству назвал мой комок глины «впечатляющим». Мой шкафчик открылся с первой попытки.

Ближе к концу дня я вышла из кабинета музыки и столкнулась с мальчишкой, в «Субару» которого я оставила свое белье.

Мы не разговаривали несколько недель, и все же, несмотря на то что прошло так много времени, он был тут. Ждал меня.

А как он на меня смотрел! Как будто я переселилась в тело Руби с длиннющими ногами и зеленющими глазами. Как будто я завладела ей, ну или она завладела мной.

– Привет, Хлоя, – сказал он.

Мои одноклассники вываливались из кабинета, обходя меня, оставляя меня одну в коридоре у музыкального класса. Он придвинулся ближе, я отошла назад и так оказалась прижата спиной к стене. Было ли это сексуальным? Нужно ли было мне принять это как данность, выгнуть спину и определенным образом приоткрыть губы? Я пыталась мысленно связаться с Руби, но потеряла ее, как только его глаза встретились с моими.

– Давно не виделись, – произнес он.

Я собиралась сказать: «Знаю». И спросить: «Как дела?» Глупости, глупости, глупости! Не знаю, что соскочило бы с моего языка, не подумай я в тот момент о Руби. И я вдруг ответила:

– Правда?

Как будто и не заметила вовсе, как много времени прошло.

Она словно стояла рядом и шептала мне на ухо. Не рассказывай ему, как три недели сидела и ждала у телефона. Не говори, что плакала.

Я вспомнила о ветреном февральском вечере на шоссе Купер-Лейк, когда у ее огромного белого «Бьюика» закончился бензин. Раньше у нас никогда не заканчивался бензин, даже когда стрелка на шкале застревала на «Е»[7 - Это обозначение пустого бака (первая буква английского слова empty - букв. «пустой»). - Примеч. ред.] и мы понятия не имели, сколько топлива в бензобаке, так что это было странно. Но еще более странным было то, как настаивала Руби, чтобы мы на своих двоих дошли до ближайшей автозаправочной станции - как будто ей хотелось, чтобы мы замерзли. Я вспомнила, как от кусающего ветра у нас покалывало, а потом начало жечь ноги под длинными пальто. Как мы пробирались через снежные сугробы, и наши бедра перестали ощущать холод, онемев.

Мы словно неслись по дороге вдоль замерзшего озера на крыльях. Будто у нас вообще не было ног.

Казалось, что мы могли добраться до станции за считанные секунды, прилететь туда и вернуться к машине с канистрами бензина, наши ресницы блестели от мороза, наши кости стали невесомыми от холода. Но потом рядом с нами остановился грузовик - за рулем был какой-то парень, которого Руби знала. Жар в кабине вернул к жизни наши конечности, зубы перестали стучать. Нам не пришлось ампутировать обмороженные пальцы; ни одна из нас не потеряла кончик носа.

Мы были благодарны за то, что нас подвезли, но должна сказать, что в невесомости (которую я почувствовала перед этим), когда тело уже перестало ощущать холод, что-то было. Что-то такое, что я буду помнить всегда. Когда ты забываешь, как тебе больно, к тебе приходит свобода.

Вот о чем я думала, пока стояла в коридоре у музыкального кабинета. Я сделала свое сердце бесчувственным, слушала ветер, и в нем было то, что она хотела от меня.

- Ты не звонила, - сказал он.

Я продолжала слушать.

– А сказала, что позвонишь.

И тут стена из шлакобетона за моей спиной стала скользкой от собственного пота – или от моего: я вспомнила. Возможно, я обещала позвонить. Возможно, он говорил, что позвонит, но я пообещала, что позвоню сама.

В любом случае Руби сделала бы именно так.

Он все стоял, преграждая мне выход вместе с нагроможденными в кучу пюпитрами и старым фаготом.

Я смотрела на него, так смотрела бы Руби, окажись она сейчас у противоположной стены, рядом с треснувшей скрипкой и ящиком с покрытыми пылью нотными тетрадами. Баллы за волосы, точно. Они были подстрижены по косой и падали ему на глаза. Но его штаны... слишком обтягивающие, болтающиеся слишком низко. И еще он держался чересчур самоуверенно, как будто тот раз между нами что-то значил.

Он говорил о том, что это я игнорировала его, а не наоборот. Вел себя так, как будто это только парни могут перестать разговаривать с девушкой после того, что обычно происходит на заднем сиденье машины. Он явно не встречал таких, как моя сестра.

– Что случилось? – спрашивал он. – Ты не хотела?

Я пожала одним плечом. (Руби, мне сказать, что хотела?)

– Ты не говорила, что не хочешь, – напомнил мне он.

Я пожала вторым плечом. (Руби, мне сказать, что да, не говорила?)

– Ну, – он сделал вдох, – что будем делать сегодня вечером?

И именно в этот самый момент в моем кармане завибрировал телефон. Мне удалось проскользнуть под его рукой, пробраться мимо груды пюпитров, старого фагота и выйти в центр коридора, на свободу. Я вытащила телефон и увидела новое сообщение.

не расслабляйся тут. я приехала вызволить тебя. ps что с твоей комнатой? где колеса

Это была Руби – и ей каким-то образом удалось выяснить, где я жила у отца: в маленьком автофургоне без шин, поставленном на заднем дворе, с кроватью в углублении над рулем, смотревшим на цветочный сад, где от пчел меня спасала сетка. Там было неплохо, вполне себе удобно, и я даже протянула из гаража кабель, чтобы смотреть телевизор.

Понятия не имею, как она узнала. Может, поговорила с моим папой, или с моими единокровными братом и сестрой, или с моей мачехой и выведала, что, как только на улице потеплело, я переехала в фургон из своей комнаты в доме.

И что значит – она собиралась вызволить меня? Она была здесь?

Я тут же получила ответ на свой вопрос – на экран выскочило новое сообщение:

мои розовые очки! хло, я искала их целую вечность!

Никто не рассказывал ей про фургон. Она была внутри его, рылась в моих вещах и нашла очки, которые я стащила тем летом, когда уехала – те самые, с розовыми линзами, которые, по словами Руби, делали человека счастливым, типа наркотика, но таскаешь ты его на своей голове.

Парень, его звали Джаред, с подозрением пялился на мой телефон, с видом покровителя даже. Только вот с чего он взял, что может так себя вести?

– Кто это?

– Мне пора. – Вот и весь мой ответ, потому что Руби была здесь.

Все изменилось, для всех, поэтому как мы могли продолжать этот разговор, как вообще кто-то мог о чем-то разговаривать, как я могла притворяться довольной этой обычной жизнью, в этом обычном коридоре, рядом с этим обычным парнем, когда она была здесь?

3

Руби пыталась

Руби пыталась убедить моего отца. Она испробовала все способы: даже пристально смотрела на него до тех пор, пока ему не оставалось ничего, кроме как смотреть прямо на нее в ответ.

Она пыталась вводить его в заблуждение, проявляла всю свою изворотливость, как когда никто ничего не замечал, а потом бах! через несколько дней они принимались искать свой кошелек, и им казалось, они помнят, как в один быстрый миг он был широко открыт в руке Руби. Она пыталась говорить тихо, пыталась говорить громко. Она старалась быть милой; она пробовала быть грубой. За закрытой дверью, где я не могла ее видеть, но знала – она пыталась.

Я ждала у папиного кабинета вместе со своей мачехой. Она не представляла собой ничего особенного – если мы с Руби случайно вспоминали ее в разговоре, то избегали называть по имени.

У нее было двое детей, и так как у нас с ними один отец, в их венах текла наполовину та же кровь, что и в моих, в точности как у нас с Руби, в таком же самом объеме, но только с ними я не чувствовала никакой связи.

Я могла бы пройти мимо них в школьных коридорах, как мимо любых других. Мальчишка и девчонка. Увидишь их, помашешь рукой. Может, на вас будут свитера одинакового цвета и вы скажете: «Эй, ты смотри-ка, у нас свитера одинакового цвета». Но больше сказать друг другу вам нечего, и вы идете дальше по своим делам. И едва вспомните об этом когда-нибудь потом, потому

что чужие друг другу.

Вот как я узнала, что кровь не имеет никакого значения, а семейные связи во многом напоминают старую жвачку – ее можно больше не жевать, выплюнуть и прилепить под столом. И потом уйти.

Руби была моей сестрой, но значила для меня куда больше. Она любила меня. Любила меня так, как никто в целом мире. Больше матери, больше отца. Больше друзей. Больше любого из парней, с которыми встречалась, потому что никого из них она на самом деле и не любила. Неважно, что между нами стояли эти два года в разлуке – Руби, бесспорно, продолжала меня любить.

Мачеха покашляла. Она всегда так делала, вернее, ей приходилось – иначе я забывала, что она рядом.

– Ты уверена, что хочешь уехать с этой Руби?

– Руби – моя сестра. Она фактически вырастила меня.

– Что ж, я вижу ее впервые.

У меня не было настроения рассказывать ей, почему Руби никогда не покидала штат Нью-Йорк, что уж говорить про наш лесистый округ. Она предпочитала оставаться в нашем городке, где все ее знали, где достаточно было лишь произнести ее имя, как каждый на расстоянии слышимости вытягивался по стойке «смирно», гадая, не притаилась ли она за углом и не покажется ли вот-вот.

Это касалось не только парней, но и девчонок. Эта песня понравилась Руби? Тогда все начинали ее слушать. Руби надевала эту куртку? Всем тут же хотелось нацепить ее.

Я привыкла, что дома люди знали Руби, забрасывали меня вопросами о ней, например, говорили, что как-то обсуждали с ней старые французские фильмы, и спрашивали, упоминала ли она об этом и нравится ли ей Годар? Рассказывали о том, что она заправила их машину в прошлый вторник; что она запретила им курить, но они не возражали; что много лет назад Руби видела их живое

выступление в старом отеле «Рейнклифф» и потом, после шоу, они разрешили ей погреть на ударной установке.

Пенсильвания была странным штатом. Никто здесь не знал Руби.

– Удивительно, что до этого она ни разу не приезжала к нам, а тут вдруг объявилась, – сказала моя мачеха.

– Да, наверное. Но в этом вся Руби.

– Мы приглашали ее на Рождество – она не приехала.

– Ей не нравится Рождество. Руби говорит, оно слишком банальное. Ко всему прочему, она терпеть не может сочетание красного с зеленым.

– Она никогда не звонила...

– У Руби есть такая штука в ухе. От телефонов она жужжит. Я не против, что она пишет мне вместо того, чтобы позвонить. Я знаю про ее ухо.

Защищать сестру было естественным порывом. Обычно никто не задавал таких вопросов о Руби, но, похоже, у меня были заготовлены ответы на всякий случай.

Однако моя мачеха не отступала.

– Она вдруг ни с того ни с сего приехала сюда, без предупреждения, появилась на нашем пороге в этой... прости, комбинации? Она что, даже не потрудилась утром одеться как следует? А потом промаршировала к твоему отцу и заявила, что забирает тебя с собой. Вот так запросто?

– Угу. Как я уже сказала, в этом вся Руби.

– И она даже не поинтересовалась у тебя, хочешь ли ты уехать вместе с ней? – продолжала допытываться мачеха.

(Не поинтересовалась.)

– Ей не приходило в голову, что ты переехала жить к нам по определенным причинам?

(Причины были... но какие?)

– И почему именно сейчас? Почему сегодня?

(Об этом я тоже Руби не спрашивала.)

– Хлоя?

Руби не было рядом, чтобы подсказать мне, что говорить, или чтобы напомнить, чего я хотела. Может, ей все-таки стоило подготовить меня, прежде чем отправляться к моему отцу.

Я знала лишь одно: она вдруг оказалась в Пенсильвании, в моем фургоне, в толстовке с капюшоном поверх летней комбинации, с новыми веснушками на носу, на лбу те самые розовые очки, которые я стащила и которые она вернула себе. Она стояла там, посасывала через трубочку пунш из тропических фруктов, который отыскивала в моем мини-холодильнике, а я так и не смогла решить, что чувствовала по этому поводу.

Хотелось ли мне уехать вместе с ней?

Если бы мне разрешили уехать вместе с ней, я бы поехала?

Но я не успела ответить, потому что из кабинета отца вышла Руби. Кабинет находился в подвале дома, обшитого деревянными панелями и освещаемого тусклыми лампочками, отчего возникало ощущение, что мы затерялись в каком-то незнакомом лесу и со всех сторон нас окружали ставшие плоскими деревья.

Она вышла и встала рядом со мной и мачехой у дивана желтушного цвета. Садиться Руби не стала. На такие диваны она никогда не садилась.

По ее мрачному выражению лица я поняла, что разговор не получился. Она казалась... удивленной, по-другому не сказать. Должно быть, отец отказал ей, а с ней такое случалось нечасто. Наверное, она понятия не имела, как на это

реагировать.

Помню, как-то раз один парень, с которым Руби вроде как встречалась, попытался отказать ей, когда она сказала, что умирает как хочет кусочек чизкейка и он должен поехать и привезти ей его, прямо тогда, в ту самую минуту. «Где продаются лучшие чизкейки в штате?» – спросила она у него, а когда он ответил, что в центре города, сестра сказала, что в таком случае ему придется поехать туда. Она проверяла его, я знала. Руби делала все это, потому что могла. Но парень ответил, что утром ему нужно рано вставать на работу. А потом добавил, что уже слишком поздно, чтобы ехать два с половиной часа в город только ради чизкейка, а потом два с половиной часа обратно, особенно если она не собирается ехать с ним.

Сначала она посмотрела на него своими зелеными глазами. Самыми зелеными в мире, настолько зелеными, оглушающе зелеными, зелеными, как яд.

Она под села к нему ближе, убавила звук телевизора. Потом подняла палец, всего один, и провела им вдоль его подбородка – как напоминание, что ему пора бы уже побриться и с кем он имеет дело, кто она.

– Тебе не нравятся чизкейки? – невинно спросила Руби, и я пытаюсь вспомнить, как звали того чувака – Раф, Ральф или Рэй, потому что Раф, Ральф или Рэй ответил:

– Ты же знаешь, что нравятся.

– Знаю ли?

Она прильнула к его плечу и прошептала ему что-то на ухо. Но что именно, я не могла расслышать, потому что находилась в другом конце комнаты.

Он был уже согласен, как только она прикоснулась к его подбородку. Я знала, что он думает. Бедняга уже несколько раз опаздывал на работу из-за моей сестры. Нормальные люди в таком случае переживают, как бы их не уволили. Но сама Руби всегда опаздывала на заправку «Камби», где работала. Она ела «M&M's» прямо со стеллажа с конфетами, заливала в свою машину полный бак топлива, но ее не увольняли. Даже не думали об этом. Но опять же, в нашем городке никто не жил так, как Руби.

Раф, Ральф или Рэй мучительно размышлял. Потом он увидел, что я наблюдаю за ними.

Тогда мне было лет тринадцать, может быть, двенадцать. Он взглянул на меня и улыбнулся. Тут я поняла, что ради Руби он рискнет рабочим местом. Почти все парни в городе поступили бы точно так же.

– Хочешь чизкейк, Хлоя? – спросил он меня, потому что, если парень не хотел упустить свой шанс с Руби, ему следовало сначала понравиться ее младшей сестре.

Я сказала, что да, конечно, я хочу чизкейк, и обязательно с вишнями, и мы глазом не успели моргнуть, как он уже ехал на юг, к мосту Мид-Гудзон, чтобы успеть в «Вениро» (та самая кондитерская на Манхэттене, где, по его заверениям, продавали лучшие в штате чизкейки) до закрытия, а по выходным они закрывались в час ночи. Мы даже не дали ему денег на бензин, хотя Руби пожертвовала ему пять центов на оплату дорожной пошлины.

Честно говоря, я не знаю – да и плевать мне было, – уволили его на следующий день или нет.

Но как же легко было уговорить его. Он мог бы отказать Руби, даже героически попытаться. Но в конце концов это оказалось ему не под силу. Буквально физически. И мне кажется, чизкейки ему не особо-то и нравились.

Однако мой отец обладал внутренней силой, какой не было у того парня. Или Руби утратила свою магию за те два года, что мы жили отдельно. Папа вышел из кабинета, бородатый, с большой головой и с таким видом, словно вся власть была у него в руках, словно никто не мог диктовать ему, что делать, и я возненавидела его, чуть-чуть... нет, сильно возненавидела за то, что он смог отказать Руби в том, чего она хотела.

– Итак, мы всё решили, – сказал папа. – Полагаю, Руби остается на ужин?

– О, нет, – ответила Руби. – Я остаюсь, но не на ужин. Я сижу на жидкой диете, ну, вы знаете, чтобы очистить желудок. Пью одни коктейли, фруктовые или молочные. Но мне не хочется создавать вам лишние проблемы и ставить за

блендер.

Она вежливо кивнула мужчине, который приходился мне отцом, хоть и бросил меня, когда я еще даже не умела ходить, потом вежливо кивнула женщине, которая вышла замуж за мужчину, приходящегося мне отцом, а затем потянула меня за рукав из подвала, чтобы убраться от них обоих ко всем чертям.

Я могла бы догадаться, что рано или поздно она приедет за мной. Мне следовало ждать. Руби была импульсивной. Это было вполне в ее духе: выйти к почтовому ящику у калитки, надев лишь резиновые сапоги, толстовку на летнюю комбинацию с пятном от джема на кружевном подоле, а потом вдруг оказаться в другом штате, в часах езды от дома, и заявить моему отцу, что хочет получить надо мной опеку.

Понятия не имею, что такого случилось по дороге к почтовому ящику, из-за чего она решила, что хочет немедленно вернуть меня. Руби ничего мне не сказала. Но, должно быть, произошло нечто очень важное, иначе она абсолютно точно надела бы поверх комбинации платье.

Только вот когда Руби что-то решала, в ее голове это становилось реальным, у этого вырастали ноги. Она могла написать на бумаге цвет моего нижнего белья, которое я надену завтра, сложить записку в несколько раз и спрятать ее в носке своего ботинка, и потом оно действительно каким-то невысказанным образом оказывалось красным, даже если я рылась в своем ящике наугад, даже если выбирала белье, которое не надевала сто лет. Как будто просто написав название цвета, она повелела ему оказаться на моем теле.

- Что сказал отец? - спросила я.

Мы пришли в фургон, чтобы поболтать наедине, и забрались на кровать, расположенную в отделении над рулем, хотя там было очень сыро.

- Он сказал, что ты должна ходить в школу, - сморщив нос, ответила Руби.

Она прижала ладонь к стеклу маленького окошка, выходящего в сад моей мачехи, и снаружи к нему тут же подлетел шмель, но мигом упорхнул прочь. Сестра постучала по окошку, но он больше не возвращался, даже близко не подлетел.

– Мне нужно ходить в школу, – сказала я, – еще чуть больше трех недель.

– Он сказал, у тебя выпускные экзамены, и если ты не явишься на них, или провалишь, или еще что-нибудь, то тебе придется заново учиться в десятом классе. – Она повернулась, чтобы посмотреть на меня. – У тебя больше нет челки.

– Она отросла где-то год назад, – произнесла я тихим голосом, потому что не злилась. Я думала, что вот в этот самый миг она видела меня без челки впервые за столько лет и что я все время представляла себе это, гадая, понравлюсь ли ей.

– Я могу снова подстричь тебе челку, если хочешь.

Руби приподняла мои волосы надо лбом, создавая иллюзию челки, которая занавесом падала на глаза и скрывала вещи, которые не хочется видеть. Мир съежился, перестав давить со всех сторон, с ним стало легче справляться – одно движение ее руки, чтобы заставить меня заскучать по челке.

– Когда мы вернем тебя домой, то первым делом подстрижем тебе челку, – сказала Руби, – а потом отправимся в «Вок-н-Ролл» за вегетарианским ло-мейн[8 – Популярное китайское блюдо из пшеничной лапши с разными добавками – мясом, овощами, морепродуктами.], и я, как всегда, отдам тебе всю маленькую кукурузу. А то некому было ее есть, и мне приходилось всё выкидывать.

– Я думала, ты на жидкой диете. Очистка желудка.

– Мне не нужно будет ничего чистить, как только я верну тебя.

Она опустила руку, и мои волосы снова стали прежней длины. Мои глаза снова видели всё. Я поморщилась. Задумалась о поездке в городок, где находился тот самый «Вок-н-Ролл», о том, кого мы могли там встретить – или не встретить.

– Нам не обязательно есть ло-мейн...

– Что? Ты не хочешь китайскую кухню? Может, тогда блинчики из «Свит-Сью»?

– Туда надо ехать, – ответила я. – Ты же имеешь в виду то местечко за зданием старшей школы, да?

Руби странно посмотрела на меня.

– Ты не помнишь «Свит-Сью»? Блинчики в «Свит-Сью»? Бананово-клубничные блинчики?

Я помнила – помнила обо всем, что было связано с городком или с Руби. По крайней мере раньше. Может, всему виной то, что я теперь была так близко от нее, но мне казалось, что меня кружат-кружат-кружат, надев на голову сетку от комаров, а потом спрашивают, как попасть в такое-то место.

– Я помню...

Я собиралась поднять эту тему. Лондон. Это про нее мы говорили, завуалированно, а не про стрижки и что поесть на ужин.

Про девочку, которая умерла.

Про главную причину, по которой я жила здесь.

Про Лондон.

Но я никак не могла заставить себя произнести это имя.

Поэтому ответила Руби:

– Да. Конечно, я помню «Свит-Сью».

Мы разговаривали так, как будто я уже вернулась, как будто мой папа разрешил мне уехать. Как будто у меня вообще не было папы, а в мире не существовало слова «нет». Как будто я собиралась полакомиться блинами прямо завтра утром.

– А еще... – она пристально смотрела на меня, заглянула во все мои морщинки и уголки, проникла взглядом под одежду, – в тебе что-то изменилось, и дело не

только в причёске.

Я не мешала ей разглядывать меня, хоть и умирала от любопытства – интересно, что она видела?

– Какой у тебя сейчас размер, В? – спросила Руби.

– Э-э-э, да, – покраснев, ответила я. Она смотрела на мою грудь.

Сестра нежно улыбнулась.

– Ну, тебе только шестнадцать. Не волнуйся, все еще поменяется.

Я перевернулась на живот, чтобы она больше не пялилась на меня. Но Руби сидела и продолжала изучать изменения во мне, ее тело находилось между мной и лестницей – единственным путем вниз.

– Не говори мне его имя, – сказала она. – Я не хочу знать.

– Чье имя?

– Не произноси его. Подумай о том, как сильно я хочу убить его. Смотри, Хло, нам нельзя оказаться в одной и той же комнате! Иначе я за себя не отвечаю.

– Руби, о чем ты говоришь?

– Я говорю о том парне, с которым ты потеряла свою девственность – не называй мне его имя – о чем еще? Или мне нужно убить не только его?

Я отвела глаза. Она тоже. Мы обе смотрели в маленькое окошко и сидели так очень долго.

– Почему ты ничего не сказала мне? – наконец спросила Руби.

– И как ты себе это представляешь? Написала бы тебе сообщение? «Привет, я только что переспала с более-менее горячим парнем Джаредом, с которым

вместе хожу на шестой урок по самоподготовке. Поговорим позже»?

– Я же просила тебя не называть его имя, – ответила сестра. – Мне ни в коем случае нельзя знать его имя.

– Упс, – сказала я, хотя мы обе понимали, что я сделала это специально.

– Более-менее горячим. – В ее голосе послышался интерес. – Насколько более-менее?

– Ну, ты знаешь, он из тех, кто симпатичнее в темноте.

– А так не про всех можно сказать?

И пока она не успела забросать меня еще дюжиной вопросов, я добавила:

– Подумаешь, ничего особенного. Я про то, что случилось. Я рада, что сделала это.

Руби вздохнула. Ясно было, что она-то как раз не рада, ни капельки. И вот настал момент для вопросов, которые задают все старшие сестры, когда открывается подобный секрет – например, о защите и обо всех этих противных вещах, о которых никто не хочет говорить. Они заставляют себя произнести слово «презерватив», убедиться, что мы им воспользовались. Спрашивают, как он с тобой обращался. Спрашивают, как ты сейчас себя чувствуешь, всё ли в порядке? Говорят, что в следующий раз будет лучше. В следующий раз не будет так больно, в следующий раз тебе не захочется дать ему в глаз за то, что он замедлил темп.

Старшим сестрам приходится делать все это, потому что матери напиваются в хлам и не могут связать и пяти слов, чтобы объяснить это.

Но Руби вместо всего этого рассказала мне историю:

– Мой первый раз случился прямо у воды, на валунах. У меня в ушах были те маленькие серебристые колечки, по три в каждом, и когда мы стали это делать, они начали болтаться, и мое ухо – гореть, как в тот раз с утюгом на кровати,

когда ты думала, что отключила его, и не делай такое лицо, как будто это не было больно, – а потом сережки вылетели из моих ушей. Эти блестящие серебристые колечки завертелись в воздухе над водой, словно ожили, – вот это было зрелище, скажу я тебе!

– Так ты потеряла свои сережки?

– Да, они пропали. Наверное, поэтому я больше не ношу серьги. Вся эта история разрушила для меня их концепцию. Ну, раз мы всё время теряем их, так зачем носить их вообще?

Я не совсем понимала, что она хотела мне этим сказать. У историй Руби не всегда была мораль. В свете дня они означали одно, в темноте ночи – другое, а кроме того, воспринимались совершенно иначе, когда на ней были солнечные очки. Но если она была разочарована во мне из-за того, что я сделала в той «Субару», сестра никак это не показала.

– Это произошло у водохранилища? – спросила я.

Она не обратила внимания на мои слова.

– Я помню, как посмотрела вверх и увидела эти серебристые колечки в небе, они сияли, словно звезды, ярче луны, которая той ночью была полной... ну, почти. Готова поспорить, они перелетели через горы – а что там, на другой стороне? Огромный торговый центр в Пафкипси? – и их можно было увидеть за много-много миль. – Руби вздохнула. – Лучшая часть той ночи.

– С кем ты была? – спросила я. Она никогда не рассказывала мне про это.

– С одним парнем. Так, короче, твой папа заикнулся на этих выпускных экзаменах и еще, чтобы ты знала, назвал меня безответственной, а я ответила, что это про нашу пьяницу-мать, а не про меня, а он сказал, что наша мама алкоголичка, и это болезнь, и мы не должны насмехаться над ней, потому что у нее проблемы, а я добавила, что он понятия не имеет, какие большие у нее проблемы, и он ответил, что я смогу увезти тебя из штата только через его труп, а я высказала ему, что ты не его собственность, а он ответил, что вообще-то его, что в этом суть опеки над ребенком, а ты еще фактически ребенок, пока тебе не исполнится восемнадцать, и тогда я показала ему язык, вот так. – Она

замолчала, чтобы показать мне, как именно.

- Не может быть!

- Шучу, но только про язык.

- Что еще он сказал?

- Сказал, что я плохо на тебя влияю и, чего доброго, подсажу тебя на наркотики. Я сказала, что ты не станешь принимать наркотики, потому что я не позволю тебе, и если бы он знал меня, то понял бы это сам.

Я закатила глаза. Но она была права.

- Потому что если кто-то и знает, как о тебе позаботиться, то только я. Он понятия не имеет, на что я готова ради тебя. Ни малейшего понятия.

Это было правдой. И в то же время нет. Это было правдой, потому что мне этого хотелось, потому что я сделала так, повесив в рамку на стене своего сознания, где хранились мои напоминания о разных вещах - о том, что я знала о Руби, о том, что знала о себе. Все висело на одной и той же стене. Но это не было правдой, потому что я была здесь. Она позволила остаться мне в Пенсильвании, и ей потребовалось два года, чтобы приехать за мной.

- Если он говорит, что я не могу поехать, значит, я не могу, - говорила я ей. - Ему достаточно происшествия с Лондон.

Ну вот, я произнесла ее имя - и клянусь, Руби сидела и непонимающе смотрела на меня, как я сама несколько минут назад, когда она упомянула «Свит-Сью». Сестра просто сидела и смотрела на меня.

- Лондон, - напомнила я ей.

Ничего. Руби смотрела на меня так пристально, как будто пыталась передать в мою голову шумовые помехи - но я прекрасно соображала и слышала.

Я попробовала снова:

– Ну, то, что случилось... с Лондон?

Сестра моргнула, отвела глаза и произнесла:

– А, точно. Это.

– Именно поэтому он не хочет, чтобы я жила с тобой. Даже только летом.

– Пф, с тобой такое никогда бы не произошло. Сколько можно повторять, я бы этого не допустила!

Я отвернулась от нее, каким-то образом мне удалось это сделать на узкой кровати, втиснутой в пространство над рулем, такой маленькой, что четыре наши ноги с нее свешивались. Но Руби не позволила мне сидеть отвернувшись, ей нужно было смотреть мне в лицо. Она хотела, чтобы я смотрела на нее, на ее рот, когда она говорит. Сестра взобралась на меня, перекадилась вместе со мной, сделала какие-то быстрые движения из джиу-джитсу, и я оказалась в ее крепком захвате – локоть к локтю, одна ее голая нога держала меня за шею, – и потом спокойно, почти даже не запыхавшись, Руби сказала:

– Я бы. Не допустила. Чтобы с тобой. Произошло то же самое.

Она скатилась с меня. Этого хватило, чтобы мне сразу захотелось ее вернуть.

– Я хочу поехать домой с тобой, – сказала я, и эти слова стали правдой, стоило мне произнести их. Я делала не все, что хотелось ей, далеко не все. Но этого я хотела. И повторила: – Хочу.

– Я знаю, – сказала она.

– Тогда едем.

– Не сегодня. Но тебе придется сбежать. Сразу после экзаменов. В любой момент, когда будешь готова, когда они не будут следить за тобой – вот когда ты уедешь.

– И как?

– Не знаю. Угонишь воздушный шар? – пошутила она.

У Руби была слабость к высоте – подняться ввысь и смотреть оттуда вниз. Ей нравилось представлять себе, как она взлетает в небо все выше и выше, так высоко, что ей становится нужен телескоп, чтобы увидеть землю.

Но, несмотря на эту слабость, она никогда не летала на самолете. И в нашем городке не было высоток, а соответственно, и окон, из которых ей можно было свеситься, чтобы посчитать точки машин и людей там, внизу. И уж тем более она не стала бы взбираться на одну из наших многочисленных высоченных и тонких сосен, ибо это сложно проделать, когда постоянно ходишь в платье.

Самым высоким местом, где доводилось бывать Руби, была гора Оверлук, с вершины которой, с высоты птичьего полета, открывался вид на наш городок, но не более того, поскольку дальше вид закрывали деревья. Как-то раз ей захотелось взять в аренду воздушный шар, чтобы проверить облака над нашим городом, хотя я и пыталась убедить ее (спасибо урокам естествознания), что она не сможет проткнуть в них дырки, словно в пончиках, как надеялась. Она ответила, что просто хочет следить за всеми из облаков и стрелять в них струями дождя, когда они плохо себя ведут.

Помню, как я говорила ей, что мы могли бы отправиться куда угодно. Если бы воздушный шар оказался в нашем распоряжении на целый день, даже представить страшно, докуда бы мы долетели. Возможно, мы добрались бы до океана, а может, мы полетели бы в какой-нибудь северный штат, типа Мэна, и наблюдали бы за облаками над ним.

Но Руби не нравилось путешествовать далеко: сестра говорила, ей нужно видеть дом. Ей нужно быть рядом, просто на всякий случай.

Она так была в этом убеждена, что для меня оказалось настоящим шоком увидеть ее здесь, в Пенсильвании, решившую освободиться от пут, привязывавших ее к дому в другом штате. Так что вполне понятно, почему ей так хотелось побыстрее вернуться. Со мной.

– Будь серьезной, – сказала я ей. – Пожалуйста.

– Ладно, – ответила сестра. Она в последний раз подняла глаза вверх, и я проследила за ее взглядом, как будто мы могли посмотреть ввысь вместе – и найти способ убраться отсюда, но над нашими головами был пластмассовый обезображенный потолок автофургона, а сам он стоял на шлакоблоках, а не на колесах.

Руби снова посмотрела на меня, и на ее губах появилась улыбка.

– Забудь про шар, – сказала она. – Знаешь... ты всегда можешь поехать на автобусе.

– Автобусе? А во сколько обойдется билет?

Руби улыбнулась еще шире.

– Об этом не волнуйся. Помнишь, «Трэйлвэйз» останавливаются прямо на Грин?

Может, она и потеряла былую власть над всеми, кто оказывался рядом с ней, может, Руби, которую я помнила, была не той Руби, что сидела сейчас здесь со мной, но ее влияние на меня еще не ослабло. Я собиралась вернуться. На воздушном шаре, или на автобусе, или автостопом, но приехать к ней.

Тогда я не знала, что она ничего не потеряла. Ни меня, и уж точно не свои способности. Дело было лишь в физическом расстоянии. Чем дальше уезжала она от голубых гор, от зеленых деревьев, тем меньше в ней оставалось ее. Здесь она не могла ничего поделать, как бы сильно ни хотела.

Но дома всё было совершенно иначе.

И вечером нам не удалось убедить моего папу, а мачеха – на самом деле нам было плевать на это – поддержала его. Услышав его окончательное решение, Руби больше не стала заходить в дом. Но и не уехала. Сказала, что поедет, только когда будет готова – как это понравится моему отцу?

После этого мы с Руби отправились в «Вэнди», потом в «Ки-Эф-Си», потому что рядом с Восьмидесятым шоссе в Пенсильвании выбор не ахти, а потом вернулись в мой фургон, чтобы допить молочные коктейли – мы обе заказали шоколадный – и кормили друг друга с ложки картофельным пюре, решив, что оно достаточно жидкое, чтобы соответствовать диете Руби. Мы провели ночь в фургоне, настежь распахнув защитные сетки, прислушиваясь к писку комаров, которые сменили пчел, как только стемнело, а наутро она исчезла, оставив после себя вмятину на простыне и длинный волос. Как будто все это было лишь сном.

Я бы не поверила, что она действительно приезжала, если бы не получила вот это сообщение:

посмотри у себя под подушкой хо

И под моей подушкой, как раньше, когда она вытаскивала оттуда мой зуб и клала на его место подарок, оказалось, пожалуй, все, что нашлось у нее в сумке: шесть двадцаток, две пятерки, одиннадцать бумажек по доллару, семь четвертаков, десять монет по десять центов, одна – в пять, двадцать семь пенни, итого сто сорок четыре доллара и семь центов. Не хватит, чтобы взять в аренду воздушный шар, но для покупки билета на автобус до дома более чем достаточно.

4

Я хотела

Я хотела сбежать, не прощаясь. Перепрыгнуть через все вечерние часы, через целых три недели.

Время гнало вперед, маня меня к Руби, но все равно недостаточно быстро. Дома у отца казалось, будто она и вовсе не приезжала. Туманное видение в ботинках и комбинации с пятном от джема, выпившее мой сок. Лишь пачка наличных в моем кармане напоминала о том, что она по-настоящему была здесь.

Я хотела, чтобы школа скорее закончилась и мне можно было уехать. Пропустить экзамен по математике, по естествознанию и все эти подсчеты, кто сколько присядет и сколько подтянется на физкультуре.

И уж точно я хотела пропустить ссору на кухне по поводу моих оценок после того, как мои сводные брат и сестра постучали в дверь автофургона и спросили, почему не хочу поужинать в доме. И тот момент, когда Джаред наконец позвонил бы или не позвонил, а мне, словно я сделалась Руби, было бы все равно в любом случае.

Я бы пропустила последнюю ночь в своем фургоне, возвышающемся на шлакоблоках, потому что не могла заснуть. Пропустила бы то, как на следующее утро тайком перелезла через забор.

Пропустила бы самую долгую в моей жизни поездку на автобусе... пожалуйста!

Пропустила бы все свои размышления о Лондон, по крайней мере, постаралась бы.

Я бы все это пропустила, если бы смогла.

Куда легче было не думать о моей матери, потому что в те дни она ночевала бог знает где, да у меня и не было желания звонить ей и сообщать, что я возвращаюсь домой.

Я прибыла в Портовое управление города Нью-Йорка, чтобы пересесть на другой автобус. А значит, до встречи с Руби оставалось меньше трех часов.

Я хотела бы пропустить и эту пересадку. Никогда не видеть женщину, которая мылась в раковине. Пропустить те несколько часов, проведенных на нижнем уровне автовокзала, и никогда не встречать продавца кренделей, который пытался полапать меня. Хоть он и дал мне бесплатный крендель, когда я пригрозила закричать.

Чтобы покинуть город, пришлось ехать через тоннель Линкольна, пересекающий реку Гудзон. И я бы пропустила свой страх оказаться заточенной в этом тоннеле и облегчение, которое испытала, увидев свет в его конце.

Вообще пропустила бы весь Нью-Джерси.

Скоростную магистраль штата Нью-Йорк ночью, хотя именно в это время там лучше всего.

Знакомый поворот на Девятнадцатый съезд.

Круговой перекресток, где Руби однажды остановил коп, но она убедила его не обыскивать ее, а потом, когда он отпустил нас, смеялась, как ненормальная.

Мы приближались.

Автобус повернул на первое шоссе, ведущее к нашему городку, и проехал мимо того места, где у Руби спустило колесо, остановилось три машины и три парня предложили ей поменять его, но в итоге они наблюдали, как она меняла колесо сама, а потом – как уехала прочь. Автобус повернул на второе шоссе, где Руби предпочитала игнорировать все знаки ограничения скорости и иногда, когда в пределах видимости не было фур, давила на педаль газа и неслась по дороге с выключенными фарами, управляя рулем лишь кончиками пальцев.

Автобус повернул налево к городку.

Мы проезжали мимо тату-салона, где Руби проколола себе бровь, потом решила, что не хочет ходить с проколотой бровью, и проколола нос, а потом решила, что лучше всего обойтись вообще без пирсинга, и перестала носить сережки даже в ушах.

Вот показался «Камби», работающий круглыми сутками, без выходных. Но какой смысл просить водителя остановиться здесь? Машины Руби там все равно не было.

Затем появились ряды витрин, закрытые ставнями и темные – Руби могла войти в любой из этих магазинчиков и выйти с какой-нибудь вещью, которую ей захотелось, вроде как купленной в рассрочку, но для нее это означало забрать вещь и никогда не заплатить за нее.

Вскоре автобус остановился на Виллидж-Грин, в центре городка, в котором я родилась и в котором по-прежнему жила Руби. Двери автобуса открылись, я спустилась по ступенькам с сумками в руках, а потом достала свой чемодан. Двери автобуса закрылись, я осталась на Грин со своим багажом у ног. Автобус уехал.

Стояла субботняя ночь, самый конец июня, и здесь не было ни души.

Я написала Руби:

угадай, где я

Молчание.

Я решила написать Руби ответ сама:

я здесь

едва пережила поездку на автобусе

у водителя была очень маленькая голова. интересно, как ему удастся следить за дорогой

из-за него мы съехали с моста

Потом подождала еще и решила попытаться еще раз.

про мост была шутка. ты еще живешь рядом с Мельничным ручьем?

мне идти туда? или заберешь меня???

Но мой телефон молчал. Ни сигнала, ни вибрации.

Когда-то давно у нашей матери была каморка за WDST, местной радиостанцией, но Руби говорила, что классический рок, который все время ставили диджеи, вызывал у нее уныние и тоску, а в отдельных случаях даже вгонял ее в сон, несмотря на то что она стояла – а это было ужасно опасно, как в тот раз, когда ей нужно было забрать почту у края тротуара и снова заиграла Stairway to Heaven. Поэтому Руби решила арендовать себе жилье в противоположном конце городка, рядом с ручьем – ну, и еще потому, что она не переносила нашу мать. Во всех школьных документах было указано, что я живу с мамой, но на самом деле все мои вещи были у Руби. Раньше точно.

Меблированные комнаты в «Миллстрим Апартаментс» находились недалеко от Грин, но у меня были сумки и чемодан, да еще этот холм впереди.

Вот я и ждала, когда Руби приедет за мной. Она должна была приехать. Она знала, что сегодня та самая ночь. К тому же мое возвращение домой было ее идеей.

Я сидела на центральной скамейке, в самом сердце ромба, образовывавшего Грин, и осматривалась: деревья, тротуар, это место было просто пропитано воспоминаниями о Руби, словно она оставила повсюду отпечатки своих запачканных в машинном масле ладоней и прошлась по лужайке и лавкам в грязных ботинках.

Только вот сегодня здесь было очень тихо. Мне никогда не доводилось видеть Грин пустым, особенно в теплую погоду, ни разу в жизни. Летними ночами кто-то все равно тут ошивался: какой-нибудь местный житель, еле перебиравший ногами и находившийся в том состоянии, в котором лучше не садиться за руль; какой-нибудь турист в разноцветной одежде, который приковылял сюда из бара «Бернинг Мэн», чтобы свалиться в наши кусты; ребята из католической старшей школы соседнего городка, которых мы никогда не приглашали на наши вечеринки, но которые все равно с надеждой заявлялись сюда; или парень по имени Дов-Из-Ниоткуда, который жил где-то в окрестных лесах, но никто не знал, где именно. Он заботился о городских бродячих псах, собирал палки, которые можно было использовать как трости, и всегда давал верный прогноз насчет дождя. А еще он иногда начинал вдруг лаять и бросать свои палки в машины, поэтому, столкнувшись с ним ночью, лучше было быть поосторожнее.

Но той ночью не видно было даже Дова.

Я бы подумала, что время остановилось и городок остался каким был с тех пор, как мне пришлось покинуть его, но порыв ветра выхватил из моей руки корешок автобусного билета и, пронеся через Грин, бросил его на окно пустой пиццерии, а потом перевернул и погнал обратно по ступеням, где он затрепыхался, после чего бумажку прибило к моим ногам.

Остановись время, ветра бы не было. А время бы остановилось, чтобы Руби успела встретить меня у автобуса. Так где же ее носило?

Мой чемодан вдруг сам быстро покатился с холма, который вел к Мельничному ручью, и мне пришлось бежать за ним. Я знала, где Руби прячет ключ, потому что им, спрятанным на подоконнике, она пользовалась чаще, чем тем, что висел на кольце в связке. Но когда я открыла дверь в ее квартирку, то увидела пустую комнату, по полу которой были раскиданы меню «Вок-н-Ролл» и индийского ресторанчика. На окнах не висели занавески, а в раковине не было грязной посуды. В ее спальне валялся матрас, но без постельного белья.

Это напоминало мне дом, покинутый за минуту до того, как должны были открыть шлюзы и пустить воду. Она ушла и больше не возвращалась. Она ушла и не сказала, где мне ее искать.

Мне попало несколько забытых ею вещей: на крючке за дверью висел оранжевый свитер на молнии; в стоке раковины лежало кольцо для пальца ноги; валялась коробка спичек с темным отпечатком ее губ, в котором остался еще целый ряд спичек.

По темнеющим отпечаткам на ковре можно было догадаться, где стояла мебель. Вот тут стол, а там диван. Воздух в квартире был спертый, удушливым. Холодильник отодвинули от стены, с него свисал толстый черный шнур. Внутри лежала идеально сохранившаяся слива, замерзшая, с отметинами ее зубов – Руби откусила маленький кусочек и оставила сливу, словно через пару дней она стала бы слаще. Сестра часто пробовала так фрукты, даже в супермаркетах.

– Руби? – позвала я.

Ее имя эхом прокатилось по пустой квартире, отскакивая от потолка, а когда я посмотрела туда, то увидела сделанную ее рукой надпись:

«Руби».

Как будто кто-то когда-то смог бы позабыть, что она здесь жила.

И тут я услышала визг шин. На парковке под окнами резко остановилась машина. Я вышла из квартиры на галерею второго этажа с бешено колотящимся сердцем. Нет, это был не дышащий на ладан старый ржавый «Бьюик», машина даже не была белой, да и Руби там не было. Но я узнала того, кто высунулся из автомобиля со стороны водителя, выкрикивая мое имя.

Один из бывших бойфрендов Руби, которых было немало. Парня звали Пит, у него были лохматые волосы, а одет он был в драную футболку с логотипом группы Pixies, старую настолько, что я могла видеть через нее блестящие капельки пота на его коже. Руби бросила его сто лет назад, как бросала всех их, но он, похоже, до сих пор этого не понял и не сваливал куда подальше.

– Она сказала, что, если на Грине тебя не будет, посмотреть здесь, – говорил он. – И сказала привезти тебя на вечеринку, там она тебя встретит.

– Руби послала тебя? – Но все-таки стала спускаться по лестнице.

– Ну спасибо, – ответил он, когда я подошла, – большое спасибо.

– Почему она не приехала сама?

Он отмахнулся от моего вопроса, словно это была какая-то головоломка, на которую он не знал ответа, одна из тайн Вселенной, которую ученые пытаются разгадать на протяжении всей своей жизни, типа Большого взрыва и того, насколько реально он может произойти, или есть ли жизнь на Марсе.

– Ты же знаешь Руби, – сказал Пит. – Давай садись в машину. Вечеринка – в карьере, так что нам лучше успеть туда до того, как закончится все пиво.

Я знала Руби. Я знала ее лучше, чем кто-либо, лучше любого парня, с которым она была, и неважно, как долго длился их роман и что он там, за закрытыми дверями, себе об этом романе воображал.

Я видела ее такой, какой не видел никто. Я слышала имена, которыми она за глаза награждала каждого парня, с которым встречалась, и если бы парни их узнали, то эти прозвища преследовали бы их целую вечность. Я видела ее счастливой. Я видела ее грустной. Я видела, как смесь из ила, паприки и яичного желтка капала с головы Руби, окрасив ее уши в оранжевый, когда мы решили покрасить в рыжий наши волосы. Я видела, как она смеялась так сильно, что немного обмочилась. Я видела, как в ярости она пробила дыру в стене. И как после этого, с поцарапанными и опухшими костяшками, но с ясным взглядом широко раскрытых глаз, сказала, что это не имеет значения – ничего не имеет значения, кроме нее и меня.

Да, я знала Руби. Но даже я не могла понять, почему она не приехала за мной сама, а послала какого-то бывшего в потной футболке с логотипом группы, популярной в девяностых.

Только подойдя совсем близко к машине, я поняла, что в тени, рядом с водителем, сидит кто-то еще.

– Ты должна помнить Оуэна, – показав на своего младшего брата, сказал Пит. – Вы, ребята, учились в одном классе, да?

– Не совсем, – разглядывая силуэт Оуэна, ответила я. – Он на год старше меня.

– Да какая разница, – отозвался Пит.

Я ощутила это сразу же, как только закинула свои сумки на заднее сиденье и уселась туда же сама, прямо за Оуэном. Непреодолимое желание оказаться на его орбите, близко настолько, чтобы можно было даже просто смотреть на него – пусть и из-за угла. Я почувствовала, как внутри расцветает надежда. Сердце заколотилось. В глазах вспыхнули горячие звездочки, а вокруг моей головы затянулось лассо.

Ох, Руби.

Интересно, это ее рук дело?

Должно быть. Она отправила за мной брата Оуэна, Пита, решив, что он тоже наверняка окажется в машине. Хотя я и была осторожной и никогда не говорила вслух о своих чувствах к нему, сестра, видимо, всегда знала. От нее ничего нельзя скрыть, точно нет, – не это ли она хотела мне сейчас сказать?

Руби наверняка знала, что я буду сидеть всего в нескольких дюймах от него, на протяжении всей дороги до карьера, сколько времени она бы ни заняла. Что, может, я заговорю с ним, и он поддержит разговор. Я даже видела в воздухе над сиденьем рядом со мной ее улыбку, самодовольную и радостную.

Но только было кое-что, чего Руби не знала точно. Что даже она не в силах сделать так, чтобы я понравилась Оуэну.

– Оу, – сказал Пит, – помнишь Хлою? Сестру Руби?

Оуэн ответил лишь через секунду. Он вздохнул, и я не была уверена в том, как это понимать – то ли как раздражение, то ли как невнятное подтверждение, кто его знает. А потом, словно это стоило ему огромных усилий, он повернул голову буквально на миллиметр и сказал мне одно слово, всего лишь одно:

– Привет.

Оуэн не шевелился, и мне было видно только часть его профиля и затылок. Пока меня не было, он, должно быть, отказался от очередного ирокеза и отрастил волосы – они торчали в разные стороны, где-то длиннее, где-то короче. Но было темно и не видно, в какой цвет он красит их сейчас.

– Привет, – ответила я.

Его брат надавил на газ и выехал с парковки.

Руби захотела бы послушать историю о нашей поездке к карьере, она ждала бы ее. Ей хотелось бы чего-то фантастического – и не без динамичных приключений, от которых наши сердца начали бы биться быстрее.

Мне следовало выдумать что-то, здесь, прямо в машине. Вообразить достойную историю.

Первым делом, нам нужно было избавиться от Пита – так или иначе. Руби бы не хотелось, чтобы в этой истории был и Пит, так что... может быть, мы бы остановились заправиться и он стоял бы со шлангом целую вечность. Или мы бы ехали себе спокойно, как вдруг небо над нами разверзлось и нечто, чему мы не знали названия, темное, размахивающее крыльями, налетело бы на нас, схватило его за горло, и Оуэну не оставалось бы ничего другого, как сесть за руль самому. Да, что-то невероятное, типа такого, чистый вымысел. Что-то, что завладело бы вниманием Руби.

Пит исчез бы, кому какое до него дело, а я пересела бы на пассажирское сиденье рядом с Оуэном, и нас разделяли бы только большой стакан с газировкой в подстаканнике и рычаг переключения передач.

И тут, пока мы неслись бы по Двести двенадцатому шоссе, Оуэн посмотрел бы на меня, по-настоящему посмотрел, впервые за все время. Может, он бы вспомнил, как игнорировал меня в школе, и устыдился этого.

Мне должно было быть все равно, конечно. Я была как моя сестра, разве нет? Созданная ее едкими шпильками в адрес всех парней, ее кирпичными стенами, которые она возводила, чтобы не впускать ни одного из них в свою душу. Мне нужно было поступить так же, как Руби поступала с любым парнем, к которому теряла интерес, – словно ее сердце выползло из грудной клетки, чтобы умереть, но другой даже не подозревал об этом, не ощущал запах его разложения.

Но я так не хотела.

Если пришло время мне рассказывать историю, то это была бы моя история, и Руби позволила мне поведать ее. Оуэн повернулся бы и сказал...

Раздался звук вибрации. Я посмотрела на свой мигающий телефон.

не забыла про тебя, хло. просто хотела, чтобы ты увидела

Увидела что? Я сидела на заднем сиденье, Пит по-прежнему был за рулем, и перед моими глазами маячил лишь затылок Оуэна.

Мы подъехали к карьере, и он выскочил из машины сразу же, как только она остановилась. На гравийной площадке, не видимой с дороги, в беспорядочной мешанине стояла целая уйма автомобилей, но большого белого «Бьюика» Руби среди них не было. Должно быть, она попросила какого-нибудь тьюфяка быть трезвым водителем и подвезти ее, а потом отвезти домой нас обеих.

В воздухе витал запах дыма – слабый, но застревающий в горле – а сквозь деревья просачивались всполохи теплого света. Большой костер.

Я оставила свои сумки в машине Пита. Иначе никак: вечеринка была в самом карьере, и единственным способом добраться туда была недавно протоптанная тропинка через деревья. Пит шел впереди, показывая дорогу, я за ним, а затем Оуэн. Когда я вдруг резко остановилась, он, оказавшись ближе, чем я ожидала, наступил на задник моей туфли.

– Извини, – пробубнил Оуэн.

– Прости, – пробубнила я в ответ.

И этой ночью, под дубами, соснами и другими деревьями, названия которых я так и не удосужилась выучить, мы с ним оказались так близко друг от друга, как никогда раньше, и эта близость длилась три, четыре, пять секунд, пока он не отошел в сторону и не проскользнул мимо меня, и его рука коснулась моей руки. От него пахло сигаретами, и мне захотелось, чтобы от него пахло по-другому. А потом он исчез.

Я потеряла Пита, и мне пришлось идти самой, на ощупь, вытянув вперед руки, пока деревья наконец не расступились. Под моими ногами зашуршал гравий, стало шумно, и я заскользила вниз по склону. Это была яма, просторная и глубокая, заполненная людьми, которых я знала. А может, людьми, которые знали Руби, поэтому им приходилось как минимум притворяться, что они меня знают, потому что я была ее сестрой. Здесь, дома, я прежде всего была именно ее сестрой.

Руби была рядом – где-то неподалеку. Я ощущала ее в темноте.

Оказавшись на дне ямы, я посмотрела на другой склон, где в ночи сверкал красный гребень – горящий костер, – и там увидела ее.

Она ждала меня.

Ждала услышать о том, как я без сожалений оставила штат Пенсильвания. Она спросит, я отвечу, и мы снова будем жить в своем ритме, а потом начнется лето, с того самого момента, где остановилось два года назад, когда в одну теплую ночь, подобную этой, все пошло наперекосяк.

Я уже почти взобралась на противоположный склон, когда меня остановили. Чья-то рука схватила меня за лодыжку и потянула вниз.

– Хлоя! Я слышала, что ты будешь здесь! – воскликнула какая-то девчонка.

Она растянулась на покрытом гравием склоне в компании своих друзей, наверное, мы знали друг друга или когда-то знали. Там были другие девчонки, и парни тоже. Началось обычное «а помнишь это?», «а помнишь то?», «ты теперь будешь жить с Руби?», и «правда?», и «вау!», и «эй, хочешь пива?».

Мой карман завибрировал. Снова Руби.

ты здесь!

Она была где-то в ночи – могла видеть меня, а я ее нет.

Потом пришло еще одно сообщение:

ОЧЕНЬ хочу пить

И еще одно:

встретимся у кега хо

Что было странно, потому что пиво ей не очень нравилось – из-за пены. Наверное, поэтому мне сразу же стоило догадаться, что она решила подставить меня. Я должна была понять, что наша с ней встреча здесь никак не связана с вечеринкой, потому что на самом деле вечеринки были Руби до лампочки, даже ее собственные.

Но на тот момент меня занимало лишь одно – найти в темноте тот кег, а потом, отыскав, взобраться по склону, мимо развалившихся на нем людей, и не наступить на чью-нибудь руку.

Когда я оказалась у кега, мои глаза уже привыкли к тусклому освещению. Стало более-менее понятно, где мы: либо на старой стройплощадке, либо там, где хранили гравий. Вдалеке виднелся кран, заблокированный сложенными в кучу бетонными плитами. Воздух казался плотным из-за пыли, поднимавшейся от ног проходящих мимо людей. Нас окружали деревья, и где-то там, в темноте, были горы – жалкое подобие того, что можно увидеть днем.

Я видела все четко и в то же время нет.

Казалось, словно я смотрела на поверхность откуда-то снизу. Откуда-то из глубины, которая всасывала меня все сильнее, а вокруг выступали пузырьки из-за моего сопротивления, и легкие жгло от удушливого воздуха. Такое знакомое ощущение, как будто я уже бывала здесь раньше.

Время разлилось вокруг меня, закрутило меня, как барабан стиральной машинки, а потом резко остановилось. И я снова оказалась здесь, как ни в чем не бывало. Я была здесь.

Как и она.

– Привет, Хлоя. Давно не виделись.

Она стояла у разливочного носика кега. Я видела ее руку с пластиковым стаканом, наполняющимся пивом. Красный пластик, поднимающаяся пена, белая пена, наклон стакана, чтобы пена слилась, держащая его рука, со всеми пятью пальцами.

– Держи, – сказала она, протягивая мне красный стакан. – Все равно там почти уже ничего не осталось, так что лучше забирай ты, пока ребята на него не накинулись.

Уж кого-кого, но ее я точно не ожидала увидеть – ни сейчас, ни здесь.

Но вслух я об этом не сказала. Взяла стакан, поднесла его к губам. Приоткрыла рот. Высунула язык. Наклонила стакан. Сделала глоток.

– Еще увидимся, да? – спросила она.

– Да. – Это все, что я смогла ответить. Потому что даже представить себе не могла, что когда-нибудь снова заговорю с девушкой, с которой говорила сейчас.

Я точно была в карьере? Стояла на краю этой ямы с гравием? Держала в руках этот стакан?

Я развернулась и шагнула куда-то в сторону, и вдруг вокруг меня обвилились две знакомые руки, в ухе раздался знакомый голос.

– Хло! Ты здесь! – закричала Руби.

Она отстранилась, чтобы взглянуть на меня.

Должно быть, на моем лице застыло какое-то странное выражение, потому что сестра засмеялась, вырвала из моей руки стакан и вылила остатки пива.

– Что ты делаешь! Ты же ненавидишь пену.

Руби выглядела точно такой же, как я ее запомнила, точно такой же, как три недели назад, но вдруг стала для меня какой-то чужой, не в себе, в свете костра ее глаза отливали красным.

- Это... - с трудом произнесла я, - это...

Я показала в сторону кега, не в силах заставить себя произнести имя.

- «Пабст», - подсказала Руби. - На вкус как блевотина, знаю. Но не волнуйся, тебе не обязательно его пить.

- Нет, нет. Я не про пиво.

- О, нет! Поездка в автобусе оказалась еще хуже, чем ты написала? Вы правда чуть не разбились? Потерялись на магистрали? Сбили стадо оленей?

Она отвлекала меня, пыталась заставить говорить о чем угодно, только не о том, что я видела только что прямо здесь и сейчас.

Лондон.

Но Лондон не могла наливать себе из кега стакан пива, в этом я была уверена. Это не Лондон болтала с каким-то парнем. Это не Лондон с полосками на рукавах прикрывала рот рукой, пряча смех. Это не ее волосы были неровно отрезаны, еще больше топорщась клочками, чем я помнила, обесцвеченные еще сильнее, чем раньше, и по-прежнему открывающие оба ее уха. Нет. Это не смех Лондон, хотя и похожий на ее, поднимался над костром и эхом раскатывался по яме карьера. Темная ночь и шум вечеринки играли с моим сознанием, огонь костра вызывал галлюцинации. Я единственная, кто тут был не в себе.

Но потом Лондон подняла глаза и встретилась со мной взглядом. Улыбнулась. Это была она, она, и никто другой.

Лондон, которую похоронили два года назад, каким-то образом все еще была жива и стояла прямо передо мной.

Я взглянула на Руби, чтобы услышать подтверждение, но мы больше не были одни и не могли говорить обо всем на свете.

- Пити, - протянула сестра, - следи за рукой.

К нам присоединился Пит. Он тряс рукой, как будто его только что шлепнули, и говорил:

- Парень может и попытаться, верно?

Руби пристально смотрела на него.

- Нет, - сказала она. - Не дважды. Не со мной.

- Но Руби, - вмешалась я, говоря совсем не о Пите и не о том, куда он положил свою руку.

Она поняла. Потому что тоже смотрела на кег. Потом громко, для Пита, ответила мне:

- Ты же знаешь ту девчонку, Лондон? Из школы? - Ее рот произносил слова, но глаза говорили совершенно другое. В них поблескивал красный огонек. Они предупреждали меня не произносить то, что я хотела произнести.

Теперь историей управляла я, могла повернуть ее в любом направлении, в каком вздумается. Спуститься ко дну карьера, метнуться напрямик к костру или подняться выше самых высоких деревьев. История, которую ты выбрал для рассказа, - не всегда та история, в которую ты веришь. Поэтому я тоже громко ответила:

- Да, я знаю ее.

И Руби, успокоившись, улыбнулась, а потом закрыла глаза. И вдруг вид у нее сделался усталый, она слегка пошатнулась, как будто ей срочно нужно присесть. Пит вытянул руку, несмотря на то что мог снова получить по ней - вдруг Руби решит опереться на него. Но она быстро встряхнула головой и открыла глаза. Зеленые, как я помнила, по ним, ярким и пронзительным, ее узнавали. И сказала:

- Так я и подумала. Вы вместе ходили на французский, верно?

- Верно, - слабым голосом подтвердила я.

- Пива хочешь? – спросил Пит.

- Хлоя не пьет, – огрызнулась Руби, заставляя его замолчать.

Она подошла ближе. Ее руки снова обвили меня: локти, запястья, пальцы повисли на моей шее, чтобы не отпускать. Сестра могла бы закрыть мой рот ладонью, но в этом не было необходимости: я не собиралась ничего говорить.

Она прижала меня к себе и, клянусь, выдохнула слова в мои волосы:

- Видишь, Хло? Всё опять по-прежнему.

И – вдруг, без всяких объяснений тайн неизвестных уголков вселенной – все просто стало опять по-прежнему, хоть я и понятия не имела, каким образом.

Смотрите сами: Лондон была там, как будто все вернулось на круги своя. Как будто ничего и не было. В точности как сказала Руби.

5

Лондон не знала

Лондон не знала, что должна была быть мертвой. Иначе не смеялась бы так громко, широко открыв рот, так свободно. Девчонка из могилы не стала бы опрокидывать в себя «Пабст», наплевав на то, какой у него вкус, не улыбалась бы пьяной улыбкой, когда пиво стекало по ее подбородку.

Она выглядела счастливой, я ни разу не видела ее такой. Лондон стояла рядом с костром с тремя другими девчонками. Ее кожа светилась, хотя, наверное, это было из-за пламени, потому что те три девчонки тоже светились. Мы все светились. Она была такой же живой, как и я.

- Думаю, я... – начала было я, – думаю, она...

Но Руби не дала мне закончить.

– Хочешь пить? – спросила она, давая понять, что мы обсудим всё позже. – Я принесу тебе воды. Пити, пригляди за моей младшей сестренкой и не позволяй ей близко подходить к огню, ладно?

Он кивнул, и Руби словно испарилась. Вот она была здесь, идя через гравий в своих высоких ботинках, и вот ее нет, сарафан растворился в ночи.

Именно такой я ее и помнила.

– Мне нужно сесть, – сказала я.

Пит сразу же подскочил ко мне и отвел к откосу, покрытому щебнем. Он согласился позаботиться обо мне не без корысти – явно рассчитывал, что будет вознагражден Руби (что вряд ли), рисовал себе эту награду, пока помогал мне сесть, снова и снова прокручивал эту картинку в своей голове. Это так затянуло его, что когда Пит протянул руку, чтобы погладить меня по голове, то промахнулся и толкнул меня в грудь.

Прощай, награда.

– Блин, – сказал он, – я только что ударил тебя в сиськи?

Да, но я не собиралась признавать этот факт.

– Не волнуйся, – услышала я собственный голос. Мои глаза по-прежнему были прикованы к костру.

– Ты в порядке? Уверена? Тебе не больно? – Его голос был полон подобострастного сожаления, как будто он только что переехал моего щенка, но на самом деле тревожился Пит исключительно из-за Руби.

Руби, которая убила бы его, лишь подумав, что он мог бы обидеть меня, и плевать ей на все, что между ними было. Руби, которая примотала бы его скотчем к дереву, спустила бы штаны к лодыжкам и оставила бы на растерзание

лесным существам. Енотам и скунсам, черным медведям, обитавшим в горах, и другим животным с острыми когтями и пропитанными бешенством зубами, которые выходят только по ночам.

Пит, должно быть, все это понимал. И готова поспорить, решил, что если переманит меня на свою сторону, то получит второй шанс с Руби. Так было всегда: все они считали, что путь к сердцу Руби лежит через ее маленькую сестру – вот как я получила свой самый первый iPod. Но ни разу в жизни не замолвила словечка ни за одного из ее поклонников. Это все равно бы не сработало. В сердце Руби место было только для меня одной.

Я поняла, что Пит наблюдал за мной.

– Ты так сильно похожа на нее... особенно с такой прической, – сказал он. Ему не следовало этого говорить, мы оба это понимали, и Пит по-быстрому сменил тему: – Джона ее не заслуживает, понимаешь? И как только ему так повезло?

Тогда я впервые услышала про Джону. Очевидно, у моей сестры появился новый бойфренд.

Пит с хмурым видом продолжал говорить:

– Только успел переехать в наш город, так сразу же прибрал к рукам мою девочку, и... – Он резко умолк. – Не говори ей, что я назвал ее «моей» девочкой. Я знаю, что это не так.

Я пожала плечами.

– Она ничья.

Пит не стал спорить. Я снова перевела взгляд на костер. На девушку рядом с ним. На Лондон.

– Ты видишь ее? – спросила я у Пита. Руби не было, чтобы запретить мне. Она сама ушла.

Костер был построен из ветвей деревьев, выставленных пирамидой над горячим пламенем, которым рано или поздно суждено было рухнуть. Вокруг него собрался народ. Я узнала кое-кого с того времени, когда еще жила в городке до лета после восьмого класса и начала старшей школы.

Имена всплывали, выскакивали в памяти. Дэмиен такой-то. Аша такая-то. Ванесса как-ее-там. Эллисон и Элисон. Кэт и Кейт. И конечно, Лондон Хейз.

Я указала на нее пальцем, чтобы не произносить имя вслух.

– Вон ту, с полосками.

Полоски на ее рукавах были горизонтальными, черно-белыми. Как на тюремных робах.

Пит выгнул шею, чтобы присмотреться.

– Та девчонка по имени Лондон? Ну да... а что с ней?

– Ты видишь ее?

– Э-э-э, да.

– Ты видишь ее? Скажи мне, что видишь.

– Елы-палы, я только что сказал, что вижу ее. Вот она.

Пит по-прежнему стоял. Надо мной разговаривала его голова. На ней возвышались холмы гравия, словно горы блестящего черного угля. А над ними вздымались настоящие горы, Катскилл, нечеткие и мерцающие в ночи, словно помехи на экране телевизора.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Американский ежегодный музыкальный фестиваль, проводится в Чикаго (США). – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

2

Так обычно называют любое озелененное открытое пространство в центре города, предназначенное для встреч, проведения праздников и общения местных жителей. – Примеч. ред.

3

Марка пива, производимого в США.

4

Кто это? (фр.)

5

В сообщении «X» значит «целую», «O» – «обнимаю». – Примеч. ред.

6

Оценки в школах США имеют не цифровое, а буквенное обозначение: «A», «B», «C», «D», «F» (первые буквы английского алфавита). «A» соответствует русской оценке 5, «C» – 3. Успешной считается оценка не ниже «C», а для продолжения обучения по окончании школы требуется оценка не ниже «B». – Примеч. ред.

7

Это обозначение пустого бака (первая буква английского слова empty – букв. «пустой»). – Примеч. ред.

8

Популярное китайское блюдо из пшеничной лапши с разными добавками – мясом, овощами, морепродуктами.

Купить: https://telnovel.me/suma_nova/voobrazhaemye-devushki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)